

ТРЕТЬЯ СТОЛИЦА

АЛЬМАНАХ

Нижний Новгород
2018

ВИКТОР ПЕТРОВ

(г. Ростов-На-Дону)

СТЕНА

Дней студёная череда
И ночей раскалённые сны.
Я живу — то ли «нет», то ли «да»:
Плач стоит у моей стены.

Эту стену поставила ты
И колючкой поверх оплела.
Богатыновский зрак темноты
Проследит не меня ль до угла?

Совершаю побег — не побег,
От себя убежать не смогу,
И петляет по следу твой снег,
И раскинусь на этом снегу.

Руки в стороны — али не крест?
Заодно помолись, коль нашла...
Ты невестой была из невест,
Да расколоты колокола!

Под малиновый, медный трезвон
Приподнимешь мне голову ты
И приветом гулаговских зон
Примешь вздох для своей немоты.

СОКРЫТЫЙ ТЕКСТ

И кто бы знал твою коварную вендетту,
Когда б вымарывать не вздумала везде ты
Свою любовь ко мне, а не любви подобье —
Желанная, была не женщиной удобной.

О, как венчанием ты бредила щемяще:
 Просила быть с тобой, скулила по-щенячьи!
 А я... Что я? Разрушил всё такой вот ради
 И в книгу превратил твоей любви тетради.

Меня вычёркиваешь силой аркаима,
 Да вот судьба никак по новой не кроима,
 И ты невесть куда скользишь, как по наклонной,
 Желая быть и не умея быть законной...

Пытаюсь удержать и шёпотом, и криком.
 Таишься ты и кажешься всего лишь ником:
 Как будто нет лица, ни глаз, ни рук, ни плоти —
 Хотя б скажи, чего ты против и не против...

Любимая, саму себя уже не знаешь:
 Играла, доигралась, но опять играешь.
 Моё черкаешь имя... Только всё — пустое!
 И предьявлять подложную строку не стоит.

Иначе всё равно проступит на бумаге
 Сокрытый текст, а там с тобой, библейски наги,
 Летаем, как летают ангельские души,
 Осознавая разницу небес от суши.

ПИСЬМО

Решаешься на злое мне письмо... Пиши!
 Но что срывает больно позвонки в тиши,

И ты уже не ты, любимая моя,
 А свилась кольцами — гремучая змея?

Все кольца, что сносила ране, до меня,
 Исходят златом обручального огня,

И лишь одно кольцо простого серебра,
 Что целовала ты и ночью и с утра,

Себе не ищет места средь колец тугих
 И лишь взыскует прежних глаз твоих,

И на пол падает — там щели нет, но в щель
 Оно должно попасть, как будто видит цель.

Моя змея, не хочешь ведать ничего
 В угаре злого кольцеванья своего,

Не знаешь, как и что... Недвижимый лишь зрак
 Вобрал и расточает мрак — не сам ли мрак?

Мрачней, пишешь ты змеиное письмо,
 Но, кажется, что пишется уже само;

Тебя не оторвать от белого листа —
 Спасёт лишь поцелуй в змеинные уста...

Пускай тому противится моё кольцо,
 Я всё равно к шипенью поднесу лицо:

И если омрачишь мои черты лица,
 То что — всему конец?! Не ведаю конца.

* * *

Объятие до помрачения ума —
 И нежность губ уткнётся в лунные колени,
 И ставлю раскалённых поцелуев клейма,
 И что с тобой, того не ведаешь сама.

Не свыше ли даётся перейти черту
 Наперекор теченью лет и сочетанью?
 По линии прерывистой судьбу считаю
 И родинки твои укромные сочту...

АРКА

Делила хлеб со мной и ложе,
 Теперь же ненавидишь люто.
 Семейные срываешь пути —
 Срываешь зло!.. Тобой низложен
 Любовный слог — и я при слоге...

И нет меня, как нет на свете,
 И не приемлешь строки эти,
 И обо мне «забыла» в блоге.

Добьёшься своего? Да нет же!..
Пускай на свете всё условно,
И я тебя губами слова
Коснусь, и ты поймёшь, как нежен...
Давай наносное отринем:
Ты — кажешься... Ты — не такая...
И, сожаленью потакая,
Очнёмся — точно в Древнем Риме.
Под аркой у табачки стану:
О, мой триумф — твоя причуда,
Твоё явленье ниоткуда!..
И потянусь победно к стану.

* * *

Казнишь египетскими казнями,
И льнёт к очам ночей сурьма.
Зачем же клятвы шлю бессвязные?
Я не схожу — сошёл с ума!
Тоска разлукою заточена,
Но крут бровей твоих изгиб...
Строфу пометят пуль отточия,
Свидетельствуя, что погиб
На поле брани смертью храброго...
Такая смерть — ничья вина!
Кричать на поле том ура бы мне,
Да кончилась моя война.
Безумство храброго, воспетое
Расстрелам, казням вопреки,
До хрипа стягиваешь петлю
И режешь поперёк руки
Свою пульсацию венозную:
Стихает парный стук сердец,
И мы хороним души разные —
Венком становится венец.

ВОРКУТИНСКАЯ НОЧЬ

Воркутинская выюжит ночь
Над Ростовом... Горе с тобой:
Объявляешь последний бой
И порочить меня не прочь.

Что я сделал тебе, скажи?
Видишь: прямо к ногам припал!
Пусть сжигает презренья пал,
Пусть убивают глаз ножи,

Только я при любом конце
Буду славить, сам не живой,
Умопомрачительный твой
Образ, не меняясь в лице:

Пусть не дрогнут мои черты,
Чтобы знать не знала того,
Как мне сердце — невесть с чего —
Рубцует удар красоты.

Гонишь ты, прогоняешь прочь,
А прогнать не можешь никак,
И меня укрывает мрак —
Воркутинская эта ночь.

ОБЕРЕГ

Милая, гладишь меня по щеке —
Я, как всегда, небрит навсегда.
После заблудишься ты вдалеке,
И обомрут мои поезда.

Только сейчас никого нет родней:
Боль отдавай — до стона стерплю:
Так ни о ком никогда не радел,
Так не любил и не полюблю.

Если презреешь, то сам виноват —
Мало делился жизнью своей;
Был непонятен, сочла — нагловат,
Верил тебе, ты веру — развей,

Чтобы не думал: такая одна!
Сдуру такую не возносил...
Вон как бушует чужая весна,
А на свою не хватает сил.

Время останется после меня,
Лишь бы тебя от любви сберечь —
Той, что не знает ни ночи, ни дня,
Той, что мою замыкает речь.

Ростов-на-Дону

НАДЕЖДА ГОЛДИНОВА

(г. Дзержинск, Нижегородская область)

Как мал и тесен свет,
Ночь сжата в параллель
Случайных беспросветных притязаний.
Поверженный поэт,
Кладет в свою постель
Клубок печалей и переживаний.
Пусть пряжа не нова,
Потеряны крючки,
И спальни вид убог и тесен:
Находятся слова,
Бумажные клочки
Сплетает карандаш в обрывки песен.
И вот в забытый мир
Ворвался звездопад
И пронеслась мечта, дождём по крыше!
Луна — ориентир,
И Музы верной взгляд,
Мечтателя возносят неба выше!

МОЙ МИР

Отношусь я ко многому странно,
Не хочу знать, что будет потом.
Поступаю, как прежде — спонтанно.
Наслаждаюсь удушливым днем.

Протянув на прощание руку,
Я ступаю по скользким камням.
Вырезая из сердца разлуку
Разбиваю её по частям.

Все, что было — осталось за кадром,
Что же будет — решать только мне.
Дождь рисует по солнцу пожаром,
А весь мир замерзает в огне.

АЛЕКСАНДР СИЗОВ

ВЕРСИЯ НОСТРАДАМУСА,

ИЛИ

УБИЙСТВО В СЕЗОН МУТАЦИЙ.

Роман.
(Продолжение)

В пасти крокодила

— Тебе понравился наш герой Гриша? — томно спросила на другое утро Верка, жмурясь от яркого солнышка, сплошь заливавшего их наперсточную комнату.

Они лежали валетиком на солдатской койке, распаренные, вальяжные, и, конечно, совершенно голые.

— Кофейку не будете? — осторожно постучала в дверь Полина Семеновна.

— Позднее, Полина Семеновна.

Старушка удалилась.

— Так спрашиваю, понравился наш политик?

— Нравится, — буркнул лжеэколог, — с одной точки зрения.

— Ты все насчет убийства? — запросто, буднично, как о чашечке утреннего кофе, уточнила Верунчик.

— Ну не целоваться же мне с ним!

— А я бы не против.

— Да ты с кем против! — в сердцах выпалил Чунасоцкий.

Сей пикантный разговорчик, разминочная пикировка так бы и остались таковыми, если бы на другой день не прибыли посылы от Мыса.

— Ты им адрес давала? — спросил Славик, отзывая Верку. Она пожалала плечами.

— И не думала.

— Как же они узнали?

— Не знаю. Наверное, выследили. Всерьез этот Мыс уцепился за тарелку. Ты вот что, голубчик, ты посиди здесь, а я съезжу, разьясню. Я быстро.

Верка начала собираться. Тупо соображая, Славик зло смотрел на эти сборы. Он и не подозревал, что ревность так схлестнет его. Очень хотелось, чтобы Верка передумала. Или, например, туфля у ней порвалась, или какая иная бытовая катастрофа случилась. К кому поехала? — к ненавистному Мыс-Гордеевскому. И ведь, заметьте же — с охотой, с удовольствием едет.

— А Славика-то что не берешь? — вмешалась наблюдавшая за сборами Полина Семеновна.

— А Славик у нас еще ма-аленький... Дома посидит! — Верка подвалила к зеркалу и начала краситься.

— Побольше, побольше штукатурки-то клади! — зловеще посоветовал Чунасоцкий, по себе зная, какое отвращение вызывает практически у любого мужчины крашенная женщина. Ощущение несвежести, третьесортности, поддельности. Всегда при встречах с намакияженными бабами у Славика было неизменно одно и то же чувство: хотелось взять тряпку и с бензинчиком, с сильным моющим средством протереть лицо, довести до естества. Вот Галка у него никогда не красилась, и он это очень ценил. Верка чмокнула его в щеку и фальшиво помаячила ручкой. Тьфу. Надо теперь идти в ванную, с мылом отмывать щеку. Он вспомнил о Галке, присел на коечку и обнял руками пропащую свою головушку. Что они с Илюшкой подделывают теперь? Смотрят в окно на дорогу и бегают без конца к почтовому ящику? Или уже не смотрят и не бегают? Илюшка, конечно, особенно переживает его неожиданное отсутствие. Хнычет, наверное, днем и ночью. Ах, милый ребенок, он-то за что должен страдать? Ведь сказано же, отчетливо сказано, что ни одна революция, читай, любой другой поступок под благовидным предлогом, и слезы, единственной слезинки ребенка не стоят.

Так чего же?..

Скверно все получается. Голова болит, и саднит под мышкой против датчика. Образовалась какая-то припухловатость на месте вживления. Уж не канцер ли?.. За все ведь надобно платить, причем по большому счету. Тревожно на душе, тревожно. Тревоги, неясных опасений вчерашний день и сегодняшнее утро добавили еще больше. Ощущение такое, будто что-то роковое, неотвратимое нависло над ним, над его судьбой. Мало

того — на ним, и над всей Россией — битой, мятой, штопанной и калеченной страной. Будто бы некая страшная биоплата, биоматрица нависла, как тогда, во время митинга, над Пушкинской... И нечем, и некому развести, рассеять эту биоплату. Ощущение беды, большой — на весь белый свет — беды... Стрелки часов показывали двенадцать дня, когда вернулась Верка. Для интимного свидания слишком рано. Славик, не таясь, обрадовался ее возвращению.

— Ну что?.. Как они на нас вышли?

— Все верно: выследили.

— А ты им не сказала, что это нехорошо?

— Как же, в первую очередь попеняла.

— И что?

— Все на смешочки свел. Понравилась, говорит, очень. Я. Лично. Но меня ведь обмануть трудно, как-никак бакалаврша... Тарелка его интересует, вот что... Прямо-таки места себе не находит этот Мыс, извините за выражение, Гордеевский. Вынь, милые, да положи ему эту самую тарелку. Квартиру тут, в центре Москвы, обещает.

— Куда же ему наша кибитка так затребовалась?

— Как куда? На службу партии. Свой извозчик. Скоро начнется предвыборная кампания, президентский марафон, летать надо. Из Воронежа в Кемерово, из Кемерово в Ярославль. А митинги проводить прямо из люка тарелки. Говорит, что это даст оглушительный эффект, и победа на президентских выборах ему будет обеспечена. А будет он президентом — осыплет нас царскими почестями. Визирями, пожалуй, сделает...

— Кем, кем?..

— Визирями.

— Хорошенькая перспектива! — сжал кулаки Чунасоцкий. Голос его зазвенел, как у мальчишки, а лицо запыхало. — Что еще умного сказал будущий президент?

— Тут я, Славутич, повинюсь перед тобой. Я этому Мысу прямо сказала, что к тарелкам имею ровно такое же отношение, как и он.

— А он?

— О тебе спросил.

— А ты?

— Пожала плечами. Что я еще могла сделать? Но он ведь не дурак. Если не я, значит, ты. Так что будь готов. Возможно, скоро зайвится к тебе с визитом. Ко мне он сразу всякий интерес потерял, начал свергывать встречу.

— Тут мы его и встретим! — хлопнул в ладоши Чунасоцкий. Он возбужденно заходил по комнате.

— На ловца и зверь. Дай-ка я тебя расцелую, Веруня, несмотря на штукатурные напластования. А что он там насчет квартиры-то бормотал?

— На Зубовском бульваре. Но только пока комната. Зато большая. В другой комнате разместятся его люди...

— И будут насиживать нас... Как яйца в инкубаторе.
 Верка рассмеялась.
 — Как только им бразды правления тарелкой передадим, так сразу вся квартира.
 — Что, он так откровенно и торговался?
 — Да-да, без комплексов. Как на базаре. Фу-у, устала я с ним общаться!.. Давай-ка на природу выберемся, куда-нибудь на Истру или Пахру.
 — Нюхать там презервативы и сележки головы?
 — Купнуться хочу — сил нет. Ах, где ты мое Черное море, любимое море! Жить без него не могу!
 — А на Амазонку не хочешь?
 — Хочу, Славутич, хочу. И на Нил, где крокодил, и на Амазонку хочу, только бы поскорее из этого ущербного города выбраться. Купальник-то на твою Амазонку брать?
 — Лишние хлопоты. Там никакие купальники не нужны.
 ... Модуль завис за окном, когда уже повечерело. Верка только и успела отыскать в чемодане огромное мохеровое полотенце, которое с успехом можно было использовать и как простынку. Широкой просекой пробивала себе путь в могущественных первобытных лесах Амазонка. Река была широка, как море. Питоньи поблескивая, зеленоватая вода стремительно рыла берег, закручивалась в гигантские водовороты, несла на своей груди, как в весенний разлив, исполинские деревья, подмытые с корнями. Модуль завис над уютной песчаной площадкой, окаймленной девственной зеленью, и, высадив пассажиров, стремительно, зигзагообразными рывками исчез в голубизне неба. Тяжелая, как в парнике, тропическая жара встала над ними. Песок жег ступни, невозможно было присесть. Хорошо, что Верка захватила полотенце. Сквашенная, сброженная амазонская водица была теплее парного молока. Верка тут же сбросила с себя все, что могла. Славик последовал ее примеру. Совокупление их на жутчайшей жаре, среди дико-го леса, было, однако, сладчайшим, прошло эффектно, как впервые.
 — Вот так всегда! — простодушно поделилась Верка. — В новой обстановке, как с новым мужичком.
 — Ты мне-то хоть этого не говори! — поморщился Славик. Ему уже хватало Веркиных откровений. Выше крыши.
 Он встал, отряхивая песчинки. Колени саднило, ободрал их о зернистый песок и обжег изрядно. Расплата за удовольствие. От джунглей несло неведомыми ароматами. Мелькали в пышной листве оранжево-синие, зелено-алые птицы. Массивные, неуклюжие, они выламывались из тесноты леса и, завидев людей, рассаживались поближе, с любопытством разглядывали неведомых существ. Птицы кричали отвратительно, как наши лесные сойки. Одарил же Господь такими голосками за дивное оперение. Пичужки с ноготок — колибри — порхали меж этими гигантами, как комарье. Колибри зависали на одном месте, быстро-быстро

трепеща игрушечными крылышками, вытягивая шильцами длинные клювики, и погружали их в чашечки орхидей. Орхидеи — красные, розовые, синие — несметными стадами выглядывали из зелени деревьев. Верка, ослепительно оглаживая пупок, засмотрелась в небо. Глаза ее мечтательно остекленели. По всему было видно: создал ей кавалер уют, довольна бакалаврша по самую маковку. Славик вытянул из сумки солидный, поблескивающий, вороненый "макаров" и решил здесь, на безлюдье, опробовать ствол. Он углубился в чашу, откуда неслись отчаянные, похоже, обезьяньи вопли. Обезьянок, крошечных существ, одетых в серебристую шерстку, было целое стадо. Обнаружив человека, мармизетки начали метаться над Славиком, восторженно крича, показывая на него пальчиками. Прыгая на ветках, они чуть не задохнулись от восхищения. Не стрелять же в этих детишек. Вообще стрелять расхотелось, казалось, оглуши эту райскую глушь выстрелом — и разом оборвется дивное яркое кино. Природа оскорбится и захлопнет свой удивительный ларчик. Он вернулся на поляну. И остолбенел. Картина, представшая взору, не поддавалась никакому описанию. Верка все так же, кверху пузом, лежала на песке, а к ней выбрался из водяных недр трехметровый крокодил. Толстенная, как бревно, рептилия в непромокаемой коже уже разверзла пасть с бульдожьими зубами, намереваясь почать экстрасенсшу с пяткок, но... что-то не начинала. Мало того, Верка спокойно, как ни в чем не бывало, почесывала большим пальцем ноги крокодилу под челюстью. Аллигатор, раззявив пасть от удовольствия шире обычного, преданно балдел, глаза, похожие на сучковатые наросты, были мечтательно обращены к небу. Верка же продолжала невозмутимо улаживать кожгалантерейного кавалера, господина амазонских вод. В какое-то мгновение Славика сделалось одновременно и душно, и жутко, лишь невероятным волевым усилием он овладел собой. В следующую минуту волна неистовой, небывалой доселе ревности окатила, ослепила его и он, издав душераздирающий индейский вопль, раз за разом нажал на курок, выпалил в рептилию. К ужасу стрелка, выстрелов не последовало. То есть были какие-то невразумительные хлопки, как ладонью по фанере, и Славик отчетливо увидел: ствол исправно, одну за другой, выплонул три пульки. Но пульки эти не имели ровным счетом никакой убойной силы — описав дуги, они тут же, в двух шагах, и зарылись в песок. "Порох подмочен!" Аллигатор прервал балдеж и со злорадным удовольствием воззрился на Славика. На секунду показалось, будто в сучковатых глазах мелькнула ехидца. Мелькнула и исчезла. Затем гнусное пресмыкающееся завалилось на спину, как дворовый бобик, поколотило хвостом о песок, еще раз кувыркнулось и таковым кульбитом плюхнулось в воду. Уже оттуда, из своей стихии, начало неотрывно наблюдать за Славиком, очевидно, тоже сгорая от ревности. Казалось, глаза крокодила говорили: эй, шельмец, ступай-ка сюда, я тебе тут живо уши-то оторву. Опомнившись от флирта Верка села и обиженно надула губы.

— А я тут подружилась с Геней...
 — Нашла, с кем дружить! — буркнул Славик, озадаченный больше всего поведением "макарова". — Не вздумай прыгнуть к нему, он тебя там живо под корягу утащит...

— Они что, под корягой это дело делают?

— Вечно вам "это дело"! Чтобы слегка подошла, а потом уж позавтракает.

— Фу! — задохнулась от омерзения бакалаврша.

Надо было разбираться с "макаровым", дело серьезное. Чунасоцкий подобрал пульки и горстью запулил их в морду зубастому аборигену. Тот рыпнулся пастью, пытаясь изловить пульки, да промахнулся и ушел на дно, разыскивать их там.

— Или это я во сне? — ушипнул Чунасоцкий себя за бедро. Щипок был взаправдашний. Тогда он достал из сумки перочинный нож, выколол из рукояти пистолета недострелянную обойму и начал расковыривать патроны. Из всех оставшихся патронов ему высыпалось на ладонь вместо пороха по шепотке какого-то серого, похожего на папиросный пепел вещества. Чунасоцкий взял у Верки спички, посыпал вещество на пламя. Никакой вспышки. Пороховые заряды были испепелены каким-то дьявольским способом в самих патронах. Вот оказия! Только теперь Славик вспомнил... Дело было в модуле, сразу же после взлета. Каким образом Игорь узнал о "Макарове" — совершенно непонятно, но только сразу же потребовал пистолет. Он не стал цацкаться с ним: доставать обойму, вытряхивать патроны, выкидывать их за борт. Он просто-напросто взял из пилотского бардачка какую-то штучку, похожую на карандаш, и взад-вперед провел этим карандашом по рукоятке. Вот и все, пистолет разряжен. А он-то, дуралей, и забыл об этом эпизоде. Дорого бы могла стоить эта забывчивость, встань на пути зверь или лихой человек. А что было бы, если бы стрелял в Жиклера?.. И представить невозможно. Теперь надо доставать новую обойму. Верка залиvisto хохотала, наблюдая за Славиком.

Ведьма, натуральная ведьма. И тут Славик почувствовал: сзади кто-то есть. Изогнув шею, что конь ретивый, он с ужасом в шаге от себя увидел все того же несуразного кавалера с экономно, как канцелярский дырокол, раскрытой пастью, готовой стремительно захлопнуться, как только будет выбран момент. Кровь хлынула в голову. Он взвился и разъяренно начал носиться по поляне, отыскивая взглядом жердь, дрын, слегу, кол, вагу, подтоварину либо любой другой подобный предмет. Но ничего такого не было на первобытной поляне, выворотилась из песка лишь хилая обугленная коряжка, и с нею наперевес Славик пошел в атаку, дабы оглушить зубастое чудище. Увидев столь нешуточные намерения, крокодил позорно бежал. Раза два-три мелькнула в бурной Амазонке его шикарная кожаная спина с супермаркетовским узором и наконец исчезла. На этот раз навсегда. В изнеможении отшвырнув корягу, Славик как подкошенный рухнул на песок. Он и слова не мог сказать от потрясения. Пот капал

с него, как в бане. Вот так погулеванили. Славик начал принимать меры, чтобы поскорее выбраться из джунглей.

Схватка с эстрадной звездой

Срочно надо было доставать новую обойму.

Как только прибыли из Бразилии, Чунасоцкий немедленно этим и занялся, стал собираться на рынок.

— Меня не берешь? — зачем-то спросила Верка.

— Нет, пожалуй.

— Ну-ну, — неопределенно хмыкнула она.

Что бы значило это ее "ну-ну"? Раздумывать, однако, было некогда, скоро Славик уже толкался на старейшем рынке столицы — Даниловском. Ему, насколько он слышал краешком уха, нужно было выйти на кавказцев. После гибели тоталитарной империи Кавказ был забит оружием, он весь воевал, дымился. Араксом лилась горячая южная кровь, а с нею и русская. Львиная доля оружия, вплоть до минометов, переправлялась из дымящихся ущелий через горные тропы на российские просторы, туда, где в нем была нужда. А нужда в нем теперь была везде, а больше всего — в столице нашей Родины, в этом жутком, как бы подвешенном на дыбе городе...

Кавказец кавказцу, понятно, рознь. Что, например, взять с этого феллаха-дагестанца в громадной кепке, с прокопченным, цвета крепкого чая лицом, озабоченно перекалывающего на прилавке алые помидоры? Или с тех вон джигитов, умело, по-русски пьющих за горками из мандаринов и яблок.

— Девушка, падахды, дарагая. Тэбэ недорого прадам. "Тэбе". А мне?..

Нет, это все не то.

Они ведь, черноусые дети юга, только на первый взгляд одинаковые. Они очень и очень разные. Приглядчивые люди моментом вычислят: армянин ты, азербайджанец или грузин. Белая кость Кавказа — армяне, дети холодного ветреного плоскогорья среди чужих цветущих субтропиков. Вековечные заложники янычар, не раз купавших этот христианский народ в крови.

О, страна розового туфа, взгляд твой печален и мудр.

Рыночные армяне сидели на корточках, а в середине кружка шумел-гремел, блестел черным полированным жуком магнитофон. Жесткие, будто приклеенные кудряшки, воловьши, чисто выбритые шеи, модные пиджаки...

Может, они?

Славик приблизился к кружку и как можно кротче, проникновеннее спросил, подергав для наглядности указательным пальцем:

— Ребята, пиф-паф поможете достать?

Сидящие орлами меломаны поглядели все на одного. И тот, со сросшимися бровями, немедленно оттолкнулся, встал с корточек и отошел со Славиком в сторону.

Не так, оказывается, просто купить боеприпас, это тебе не помидоры. Армянин повел Славика за территорию рынка, они пересекли трам-

важные пути, вошли в подъезд обширного, расположенного подковой старинного здания со встроенным магазином. В подвал этого магазина и спустились. Далее проследовали узким, заставленным тарными ящиками коридором к другой лестнице, выходящей во двор. Выбравшись из подвала, армянин своим ключом запер двери за собой. Все. Хвосты, если таковые имеются, напрочь отрезаны. "Ловко придумано!" — подивился Чунасоцкий. Сросшиеся брови усадил его в иномарку с затемненными окнами и рванул с места. Недолго попетляв, машина остановилась возле ординарного подъезда пятиэтажной "хрущевки". Южанин достал из бардачка радиотелефон. Что-то наговорил в него по-своему, и минуту спустя из подъезда вышел другой черноволосый и уселся на переднее сиденье. Здесь и произошла сделка. Славика сунули новенькую плиточку с восемью пульками, он отслунил обговоренные двести тысяч.

— Россыпью не нужно? Четыре "зеленых" штука.

— Думаю этими обойтись.

— А автомат? Израильский. "Узи". Отличная вещь.

— Нет! — И это предложение отверг Чунасоцкий тоном солидного покупателя, знающего, что ему нужно. — Думаю "Макаровым" обойтись.

Он хотел выбраться из машины, но ребята не позволили. Они подкинули его до метро и даже проследили, как он скрылся в дверях станции.

Дома Верки не было.

На койке лежала небрежная писулька:

"Уехала на фуршет. Твоя".

Час от часу не легче!

Вот оно, торжествующее Веркино "ну-ну". Вот оно чем завершилось. Она уже знала о фуршете. Улепетнула, скорее всего, к Мыс-Гордеевскому. Вероятно, как только за Славиком закрылась дверь, так и начала собираться. Конечно, на этот фуршет соберется столичный бомонд, женщины будут блистать нарядами, пахнуть и млеть под взглядами самцов-мужчин. Она, Чайка Адриатики, конечно, конечно же, затмит всех. Прodelает пару своих дьявольских штучек и — успех обеспечен. Валяясь на койке, он старался не думать о Верке и этом злосчастном фуршете. Ревность, что ни говори, штука тяжелая. И противная. Он стал думать о Гагарине. В суматохе последних дней не было даже минуты хорошенько поразмышлять об этом. Теперь вот выдалась такая минута. В детстве он, как и все дети, любил сказки и, конечно же, в воображении перемещался в их заманчивый волшебный мир. Ой, как там было все заманчиво — печка у Емели была самой теплой, избушка у задворенки Бабушки-Яги самой комфортабельной, а уж песок под ногами горящей Аленушки и вовсе золотым. Теперь ему казалось, что там, на далекой планете, с помощью стелющегося луча он заглянул именно в сказку. Живой Гагарин! И остро захотелось туда, на крылечко "Матрикарии", к Юрию Гагарину. Очень захотелось кое о чем порасспросить его. А уж с Олегом Далем они бы

целые вечера говорили. Не исключено, что после вечерней беседы отправились бы к хрестоматийно поющим, наливным, как малороссийская черешня, жницам. Что, если и впрямь попроситься туда?

Первый час ночи, а Верки все нет. Ну не стерва ли? Нет и сна. Как ни ворочался на узенькой койке, заснуть не мог. В этот поздний час пожаловал к Полине Семеновне Сокиро. Он что-то бубнил за стеной, судя по монотонности, читал стихи. Наверняка новые. Кто еще, как не благосклоннейшая Полина Семеновна, выслушает его. Выходить к гигиенисту и нарываться на пространнейшую беседу не хотелось. Наконец Катайгородский умолк и удалился с хозяйкой в спальню. В последнее время они плотски контактировали там. Впрочем, это их личное дело. Третий час ночи. Знакомо ли вам подобное мучительное ожидание? В переулке послышался шум автомашины. Славик кинулся к окну. Верка! Душа запела, все тело его запело. Верка что-то излишне громко выговаривала водителю, а под руку ее держал какой-то фраер. Верка громко и возмущенно, на весь двор ругалась. Даже не ругалась, а прямо-таки, что называется, базланила. Бесцеремонно отшила провожатого. Тот сел на заднее сиденье, и машина подалась со двора. Душа Славика возликовала. Бакалаврша была изрядно пьяна. Она навела шороху и в квартире. Как бы не случился клинч у Катайгородского! Верка кинулась Славика на шею, начала тискать, целовать, извозила в губной помаде.

— Это что за чувак внизу был? — промеж бурных объятий спросил он.

— А-а! — отмахнулась Верка. — Гришкин телохранитель. Приказано доставить меня в целости, вот и доставил...

— А я уж хотел его с лестницы спустить.

— Славутич! Славонька! Ты у меня хороший. Давай поженимся, а?..

— Давай на завтра этот разговор...

— Давай, милый. Один ты у меня хороший, а все остальные прямо-таки мразь. Да, мразь. Эта шкура барабанная, я ее напялю еще на барабан, это точно. И спляшу на ее шкуре. Ах, гнида, ах, сучища!..

— Кто такая?

— Да эта... как ее... по телевизору поет, сиповка!

— Алла что ли?

— Ага, она. Нет. Алла уехала, а эта, как ее, коротконожка...

— Вероника?

— Что-то похоже...

— Алена?

— Ну, эта прелесть, милка...

— Тогда одно — Марья.

— Может, и она. Очень даже может быть, я в них не разбираюсь. В общем, гада. Ходит там, вся из себя, как разряженная ворона. Я начала гостям показывать, как коробок биополем передвигаю, а она, сучка, все встречает, мешает. Ей отдайте внимание. Гриша меня под руку, и она тычется между нами. Что ты будешь делать!

- Она пьяная, наверное, была?
- Она и трезвая-то хуже пьяной, а тут еще изрядно добавила. Подходит ко мне и так вызывающе то одним, то другим плечиком подергивает, на поединок вызывает. Ну, вызови, думаю, вызови... С кем ты, милая, сцепилась!.. Я ведь лимита... профессионально размалюю, как потолки в Хорошево-Мневниках размалевывали. А она, дристуныя, еще и прямым текстом, надо же набраться наглости. Я, говорит, как звезда, должна тут шишку держать, править балом, а не ты. Ну, и достала. "Кто, кто, — говорю, — милая дочка, ты?" "Звезда я". "П... ты, — говорю, — малосольная, а не звезда." Вот тут и началось. Закричала она не своим голосом, в волосы мне вцепилась. А этого ни в коем случае делать не следовало.
- И что же ты? — переведа дух, спросил Чунасоцкий. Верка захохотала.
- А я ей под дых, да об стенку башкой. Потом на руки подняла, понесла к балкону, хотела вышвырнуть с этажа, ей-богу.
- И что же?
- Да ребята, ее телохранители, отняли. Унесли. Та ногами дрыгает, соплями захлебывается. Тьфу. Звезда она, видите ли!..
- Успокойся, Веруня. Ты, кажется, тоже лишку приняла.
- А это я уж потом... чтобы нервы успокоить. "Звезда"!..
- Да-а, две львицы в одной клетке — не шутка.
- Хорошо еще, что две, а не три. Хорошо, что Алка вовремя слизнула. Тоже задиралась. Я бы и ее под орех разделала.
- Не сомневаюсь, — согласился Чунасоцкий, еле сдерживая смех. — А что же наш Григорий Харлампиевич?..
- А он рядом стоял, наслаждался потасовкой...
- Разделить ложе не предлагал?
- У тебя одно на уме. Ему не до того. Григорий Харлампиевич, между прочим, завтра, то бишь уж сегодня, в гости обещал нагряться. С тобой хочет поближе знакомство свести.
- Тарелка?
- По-видимому.
- Ну что ж. Пусть подъезжает, я готов! — холодно сузил глаза Чунасоцкий. Робес-пьеровская суровость читалась в его зрачках.
- Кстати, — заметила Верка, раздеваясь, — квартира на Зубовском уже почти что наша.
- Будет нам всем по квартире! — сатанински усмехнулся Славик.

Урочный час

Часам к десяти утра 2-й Обыденский переулочок был оцеплен. Стоило только выглянуть в окно, чтобы убедиться в этом. Почти из-за каждого дома высовывались тупые рыла иномарок. Четверо плечистых, почти квадратных парней, встав в кружок, курили, поглядывая в сторону Остоженки, карауля прибытие шефа. В ожидании необычного шоу догадливый московский на-

родец, в основном пенсионеры, поскорее выбрался на лавочки перед подъездами. И москвичи не ошиблись: скоротечное шоу состоялось. Ровно в десять во двор въехало несколько машин, и из передней выступил на асфальт сам Мыс-Гордеевский. Он был в зеленоватом клетчатом пиджаке и невиданно оранжерейных расцветок галстук, широко, как обеденная салфетка. По обыкновению крутнувшись на каблучках, Григорий Харлампиевич поприветствовал все подъезды. Старушки, раскрыв рты, выжидающе пялились на известного в стране человека. Конечно же, такой человек не мог приехать с пустыми руками. Махнув рукой, он дал знак шоферу, и тот выволок из багажника открытую картонную коробку, с горкой наполненную всевозможными заманчивыми предметами от "Сникерсов" и пивных баночек до упаковок с лимонной эссенцией и презервативами. Видимо, тормознул где-то Харлампиевич у коммерческого киоска и смаху, без разбора, все закупил. Как истинный хлебосол, Жиклер поклонился народу и, заложив руку за пуговицы пиджака, отступил на шаг, предоставляя шоферу право оделять собравшихся. Глаза благодарных старушек преданно засветились. Озабочась, всем ли хватило, Мыс-Гордеевский поднял руку и с нею, поднятой, как заправский шоумен, поразворачивался в разные стороны, требуя внимания. Внимания было сколько угодно. Речь Жиклера перед дворовыми старушками была столь же веской и внушительной, сколь и крапкой:

— Всем! Всем! Всем! Всем мой привет. Надеюсь увидеться с вами у урн. Нет-нет, не у тех урн, что в крематории, у избирательных. И вы отдадите каждый свой голос за того, кто вам нужен. Я не призываю вас голосовать за себя, но я призываю вас голосовать за тех, кто вам нужен, — искренне, проникновенно сообщил Мыс-Гордеевский, явно подразумевая, что это вот он и есть нужный человек.

Обнародовав сей перл риторики, Мыс-Гордеевский аристократически наклонил голову вперед и рысцой проследовал в Веркин подъезд. Челябинка повалила за ним.

Верка уже успела приготовить салатик. Вынесла какого-то вина. Дорезала колбаски. Была она с утра что-то угрюмовата, видимо, не выспалась.

Усевшись во главе стола, Гришка попытался расшевелить ее, начал с анекдота:

— Видите, ползет муха по столу. А как определить ее пол? Очень просто, ха-ха... Если муха сядет на горлышко бутылки, то мужик. А если на зеркало, то баба. Ха-ха-ха...

Рассмеялся столь крутому анекдоту один Мыс-Гордеевский. Мало того, что рассмеялся, он тут же по-свойски, не дожидаясь никого, запил анекдотец стаканчиком вина. И сразу же обрел дружеское расположение к Славике Чунасоцкому, чокнулся с ним вторым стаканчиком. Придвинув стул к нему, откровенно сообщил:

— Здесь что-то не то. Не так хорошо сидим. Я сам простор люблю. Предлагаю поехать ко мне на дачу. Да-да, прямо сейчас. На реке Пахре, в отличном месте.

— Я пас! — без обиняков сообщила Верка. — У меня это дело началось.
 — Ну что ж, раз "это дело"... Ничего не поделаешь. А вы, молодой человек?

— Готов хоть на край света! — не без внутренней дрожи произнес Чунасоцкий. Вот он, как говорит телевизионная передача, счастливый случай. Трудно и помыслить, как все удачно складывается. Не надо пробираться через толпу на митинге, цель рядом. Можно даже и сейчас, прямо здесь... Зайти в комнатушку, выдернуть пистолет и прямо из комнаты, чтобы никто не успел помешать — всю обойму. Тут бы наверняка. И был, был такой соблазн, но как встретился он с невиннейшими, честнейшими глазами Полины Семеновны, так и отказался от замысла. Затаскают ведь старушку.

Он пошел-таки в комнатушку. Экипироваться. Замкнувшись на крюк, напялил на себя теплый, не по майской погоде джемпер. Руки не дрожали, сомнений в голове никаких не витало. Неожиданно пришло успокоение, даже больше — равнодушие ко всему, как если бы принял сильный транквилизатор. Доставая "макаров" и затыкая его за пояс, под джемпер, он подумал, что такое охлаждение ко всему, такое тупое равнодушие к миру и себе бывает, вероятно, только у преступников, которых разбудили и повели на казнь...

Уже выйдя из комнаты, он понял, что малость сплеховал. Джемпер — не то прикрытие. Нужно было купить пиджак, да попросторнее, размера на два побольше. Вот как у жиклеровых телохранителей — у них там, пожалуй, и десантный "Калашников" запрятан, а ничего не видно. Джемпер облегает фигуру, и надо быть все время начеку, следить за собой, все время втягивать живот, чтобы рукоять неуклюжего полевого оружия не выпирала. Он, кажется, кожей почувствовал, как плечистые на улице ощупали его долговязую фигуру взглядами. Вот бы ему живот, как у Саньки Сизова, его давнего институтского друга. Тот затыкал под рубаху по паре "огнетушителей", 0,8 литра и запросто проносил в общежитие мимо вахтеров, никто и не замечал... Однако предаваться сентиментальным воспоминаниям было не время. Совсем-ем не время. Кажется, охранники что-то заметили и вопросительно переглянулись. Да-да, они определенно заметили оружие. Этот пистолет прямо-таки жег кожу, когда, слегка придерживая его рукой, чтобы не выскользнул из-под ремня, он сядил в жиклеров "Трабант" на заднее сиденье. Впереди сел Жиклер в темных очках, сзади в обе дверцы завалились охранники. Они сдвинули Славика к середине и так обжали массивными телами, что ни вздохнуть, ни повернуться. И этак галантно, по-дамски взяли под руки. Как арестованного. Нечего было и думать, чтобы по дороге продырявить затылок несчастного Жиклера. С ужасом почувствовал Славик, что все рушится, что его дилетантское предприятие построено на песке. Сейчас вот, за кольцевой, эти двое выйдут и... Однако до дачи доехали благополучно.

Как бы сами собой раскрылись металлические ворота с красными звездами (маскировка под воинскую часть?), и кавалькада из трех либо четырех машин проследовала по асфальтовой дорожке в глубь соснового бора. По бокам дорожки, как в санатории, торчали декоративные светильники. Дача была трехэтажной, из красного кирпича, построенная скорее всего недавно. Масса балкончиков, переходов и прочих архитектурных штук. Теремок, ничего не скажешь, выполнен со вкусом, но не время, совсем не время разглядывать его. Как только Славика выпустили на воздух, его, опять же под руки, отвели в сторонку, тихонько советуя не шуметь, и один из мордovorотов бесцеремонно протянул ладонь:

— Пушку!

— Чего? — сделал вид, что не понял, Чунасоцкий.

— Ствол! Чего там у тебя?.. "Макаров"?

— Ага, "макаров", — глупо пробормотал Славик. — Для личной безопасности..

— Понимаем, понимаем, — с ехидцей произнес мордovorот. Ледяной рукой Славик вытянул пистолет.

— Больше ничего?

— Можете обыскать.

— Охотно верим! — иезуитски заметил охранник и авторитетно подчеркнул: — С твоей, брат, фигурой трудно в прятки играть. Все на виду. Нужно пиджачок, приятель, одевать. Вот этак! — Он похлопал себя слева. — Так-то, брат.

Распотрошенного и подавленного, его подвели к Мыс-Гордеевскому, и тот, несколько не обозленный, ни капельки не расстроенный случившимся — как будто ничего и не было — назидательно поднял палец, сделал и скромный политический вывод:

— Сейчас у каждого второго пушка под боком. При мне так не будет. При мне будет так: попался с оружием — из этого же оружия получай в лоб. За ноги и — в сторону. Чтобы не мешал остальным. Без лишних разбирательств. Десяточек-другой хлопнем, в масштабах государства это ничто, а там все сами пушки на помойку выбросят. Вот и вся проблема, все ее решение.

По лестнице с фасонистыми перилами и пузатыми фигурными балясинами, крытыми черным лаком, они поднялись на второй этаж, где уже был накрыт стол. "Все кончено, все кончено" — молотом бухало в мозг. Славика била дрожь. Так глупо вляпаться! Надо, н-надо было все в квартире решать. Он еще не знал, насколько капитально и свински вляпался. Пока Мыс-Гордеевский потчевал его коньяком и разрабатывал к нему подходы насчет тарелок, охранники во дворе сгруппировались вокруг отобранного пистолета и что-то возбужденно обсуждали... Он сидел и оживленно беседовал со словоохотливым кандидатом в президенты на разные темы. Коньяк снял напряжение, размягченный им и убаюканный курлыканием

Жиклера, Славик уже начал подумывать, что все пронесло, что ничего страшного, как в комнату, где они вдвоем сидели, вошел озобоченный охранник, тот самый, который конфисковал пушку. Он прямоком направился к Жиклеру и что-то нашептал ему на ухо. Жиклер застыл с раскрытым ртом и поднесенной ко рту вилкой. Затем убийственно и как-то ядовито покосился на Славика. Охранник вышел вон, а Жиклер тотчас же бросил вилку в тарелку, вскочил и заходил по комнате. Остановившись напротив Славика, вперял в него ядовитый взгляд, как бы примериваясь, с чего начать, и шествовал далее. Психологическая обработка противника.

— Что-то случилось? — спросил обеспокоенный Чунасоцкий

— Да. Случилось. Пистолет, обнаруженный у вас, молодой человек, это штатное оружие нашего товарища, члена нашей партии майора Сердюка. Сердюк! Вам ничего не говорит эта фамилия?

— Н-нет... — запинаясь, пролепетал Славик. — Ничего не говорит.

— А если быть честнее? Если не дожидаться очной ставки?

— Знать не знаю никаких Сердюков.

— Напрасно запираешься, братец ты мой. Сердюк тебя еще в Нижнем Новгороде, после сеанса узнал. Правда, малость сомневался — ты ли это, а теперь, когда номерок пистолета-то совпал, никаких сомнений не остается.

Жиклер возбужденно ходил по комнате, потирал руки.

— Из-за вас наш товарищ лишился погон, едва под трибунал не угодил. Ай-я-яй! Нехорошо так делать, дюже нехорошо.

— Я не знал, что это ваш... товарищ, — пискнул Славик.

— Такие отговорки, милый мой, только в детском садике проходят, — наслел Мыс-Гордеевский. — Когда манную кашку у другого мальчика съешь. Здесь не пройдет. Никак не пройдет. Тут дело посерьезнее. Хищение оружия у должностного лица. От трех до семи, кажется. Извольте получить. Сейчас мы отвезем пистолет и вас в соответствующие органы, и на этом, надеюсь, наше общение закончится. Здесь Григорий Мыс-Гордеевский, как опытный психолог, замолчал, дал передых своей жертве. Дал ей дозреть. Жертва подавленно молчала. Мыс-Гордеевский, нервно потирая руки, как бы умывая их одна в одной, сверху, с высоты своего роста разглядывал уткнувшегося в стол, боявшегося поднять глаза супротивника. Волен он, Григорий, сейчас казнить, но волен и помиловать. Этот украденный ствол — сама удача. "Торг уместен", как пишут в газетных объявлениях. Григорий Мыс-Гордеевский потихоньку возвращает пистолет хозяину, то бишь Сердюку, а Чунасоцкий сейчас же садится за стол и пишет все, что он знает о тарелках. Кем они созданы, где у них стационар и каким образом он с ними общается. Ну и все остальное прочее. Все, как на духу. Только при таком условии ему удастся избежать тюрьги. Услышав такие требования, присмиривший было Чунасоцкий в момент раздул ноздри, как мустанг. Кровь закипятилась в нем. Всего он ожидал от Жиклера, но такой наглости не мог и представить. Чтобы

в грязные руки Мыса достался модуль — да ни в жизнь! Уж лучше тюремной пайкой давиться. А впрочем, почему бы не поиграть в кошки-мышки. Учит ведь жизнь: из всякого положения есть выход. Да еще не один, а в бесчисленном количестве вариантов. Надо включиться в игру.

— Вас, Григорий Харлампиевич, я думаю, сама технология, принцип полета этих тарелок интересует, так? — оправившись от шока, обстоятельно, как учитель средней школы, потягивая коньячок из рюмочки, удостоверился Чунасоцкий.

— Да, конечно, — несколько подзамешкав, ответил Жиклер, — было бы желательно.

— Н-да! — поцокал языком Славик и в такт прицокиваниям покачал головой, как старый степенный дед на завалинке. Сложна-де задача это выяснить, ох, сложна. Тем более, что он, Чунасоцкий В. И., и сам не знает этой технологии.

Чуткое ухо, нюх и ум лидера влиятельной народной партии моментом усекли перемену в настроении допрашиваемого. Не исключено, типчик цокает языком с издевкой, определено с ехидцей. Имеет какие-то виды на свое, откровенно говоря, архипаршивое положение? Козырь какой-то держит? Ну что ж, игра так игра. Чунасоцкий между тем смело встал, снял более не нужный джемпер, небрежно бросил его на стул. Закатал рукава у рубашки.

— Согласен! — четко, по-военному сказал он. — Согласен познакомить вас с людьми, которые управляют модулем. А они уж... — Славик постарался проговорить это как можно беспечнее, — позаботятся обо всем прочем.

Несмотря на беспечность в голосе, это "позаботятся" прозвучало довольно многозначительно и даже, пожалуй, угрожающе.

Жиклер насторожился. Любопытство, однако, перебороло настороженность.

— Вы сказали "с людьми"? Я не ослышался?

— Да, с людьми. А вы что, думали, там обезьяны?

Ничего не ответил Мыс-Гордеевский. Усевшись на край стола в позе роденовского мыслителя — подхватив рукой руку, оперевшись кулаком в подбородок — он погрузился в глубокое раздумье. Какие наполеоновские мысли одолевали его в сей миг? Кто бы взялся определить? Но можно было точно сказать: мысли его одолевали значительные, набег этих мыслей бороздил чело, морщил могучий лоб.

Наконец Жиклер справился с внутренней заразой и опять заходил по комнате.

— Каким образом мы осуществим эту встречу? — по-военному деловито спросил Жиклер, не имеющий привычки откладывать важные дела в долгий ящик.

— А вот каким образом! — как умелый штабист, стал докладывать Славик. — Мы выйдем с вами в чистое поле и, там, в чистом поле, осуществим. Вы и я. Никаких причиндалов. Чтобы на пятьсот метров никого.

— Согласен! — подумав некоторое время, сообщил Жиклер. — Но мои ребята могут наблюдать с опушки?..

— Конечно, конечно. Сколько угодно.

— А оружие... могу я взять личное оружие?..

— Оно не понадобится, — поспешил заверить Славик, догадываясь, что Жиклер все-таки трусит, и сильно трусит.

И хочется-то ему, и колется... Ох, Грицко, Грицко, колобок непропеченный, куда норовишь-торопишься закатиться?.. Впрочем, "хождение во власть" требует риска. Всегда.

Нападение тонкого мира

Изрядно поколесили на машинах, прежде чем нашли в забитом дачами и всякими закрытыми объектами Подмосковье обширное поле, окруженное лесным массивом. Охранников оставили на березовой опушке играть в карты, а сами устремились по пахоте. Отошли на приличное расстояние, уже и лиц телохранителей не различишь. Шли молча, говорить было не о чем, к тому же Мыс-Гордеевский вел себя крайне нервно, без конца спотыкаясь на пластах пахоты, все время крутил головой, озирался, точно ожидая подвоха или неожиданности. Ни к селу, ни к городу предупредил:

— Я, между прочим, мастер спорта по джиу-джитсу.

— А я, — отозвался Чунасоцкий, — между прочим, кандидат в мастера по бегу. На самые длинные дистанции.

Жиклер натужно расхохотался, из чего Чунасоцкий сделал заключение, что "очко" у лидера-политика играет сильно. Однако хохотать, похоже, было рано. Им обоим. Они прошли еще какое-то расстояние и вдруг оба, как по команде, остановились. Как будто уперлись в невидимую изгородь. Сильнейшее беспокойство охватило обоих. Будто некая зловещая тень нависла над ними. Бывает так в солнечный денек: набегают нежданная тучка, и тревожно становится в природе, все как бы присмиривает, исполненное пантеистического трепета. Вот и сейчас даже не тревога исходила от окружающего мира, а больше — прямая угроза. Она, эта угроза, шла от дальнего перелеска, где играли в карты беспечные охранники, от блеклых небес, подернутых неестественными синеватыми облачками, сочилась из самой земли. Было такое ощущение, будто за ними кто-то следит. А откуда — непонятно.

— Смотри! — крикнул Чунасоцкий.

Над перелеском прямо перед ними восстал, колыхаясь, словно наполненный жидкостью изнутри, кроваво-красный, как солнце на закате, шар.

Он колыхался над деревьями и, казалось, что именно он следит за нашими путниками, что именно от него исходит угроза.

— Не может быть! — прошептал Чунасоцкий, холодея от страха. Он спешно полез под рубашку, нашарил припухловатость. Точка-тире-точка.

Мыс-Гордеевского тоже трясло. Он давно уже цепко ухватил Славика за руку, видимо, боясь, как бы тот и вправду не рванул на длинную

дистанцию, оставив его одного. Зубы лидера партии "Демон" чокались друг с другом, их колотило какой-то равномерной машинно-сепараторной тряской. Вот они, два брата-землянина, стоят в голом поле, совершенно беззащитные. Крепко обнялись, и вся бывшая неприязнь, несущаясь в отношениях разом испепелилась, улетучилась, показала обоим, наверное, не важнее грязи на ботинках. Они теперь истинные братья, братья по страху. А шар, будто гипнотизируя сцепившихся приятелей, немного помедлив, как бы подумав, вальяжно покачиваясь, неотвратимо поплыл на них.

— У-у-у! — волком возопил Мыс-Гордеевский и еще крепче, теперь уже мертвой, замковой хваткой, вцепился в собрата.

Отвлекусь. Видел я подобную хватку. На станции Доскино зажало стрелкой ногу старухе, и она так вцепилась в своего старика, поспешившего на помощь, что тот так и не смог вырваться — обоим накрыло поездом. Бессмысленно было, видимо, вырваться и Чунасоцкому. Он до боли закусил губу и оглянулся. Далеко на опушке поля мелькали кургузые, одинакового покроя шляпы ног под собой не чующих телохранителей. Позорно бросив на растерзание своего сюзерена, аргусы попадали в шикарные машины, приткнувшись к кустам. Впоследствии выяснилось, что ни одна из машин не завелась: подвело электрооборудование. Славик паническим взглядом обшаривал небо: скорее, скорее бы появился модуль.

— Ну где же, где же твоя тарелка?! — кричал, как глухому, Григорий Харлампиевич. Шар был уже близко. Вот он остановился и начал качаться из стороны в сторону, как кобра.

— Не отходи от меня! — бешено вскричал Жиклер. — Это он меня, меня хочет уничтожить. Я знаю — меня. Он на меня смотрит. Гляди, у него глаза внутри, они меня хотят съесть... уничтожить. Меня, меня!.. Не отходи!.. — Жиклер начал подвывать, жалобно, как баба по покойнику.

Жуткая, невероятная догадка посетила Чунасоцкого. Что, если Жиклер прав? Что, если это только за ним одним пришел тонкий мир, дабы уберечь Землю от кромешного будущего? И стоит ему теперь выворотить руку Жиклеру, оторваться от него, сделать рывок метров на сто, и столь желанная гибель незадачливого политика обеспечена. Он умывает руки. Но тут же он понял, что никогда, ни в жизнь этого не сделает, не оставит одного умирающего от страха Гришу. Чего бы это не стоило ему самому. Между тем волосы на обеих головах вдруг зашевелились, затрещали, встали именно дыбом, притянутые вверх каким-то немалым магнитом. Густой, сочно-фиолетовый луч пробежал по пашне и наткнулся на шар. Был негромкий хлопок, как от лопнувшего детского шарика, и колыхающаяся возле них напасть разлетелась на тысячу малиновых брызг. Эти брызги, однако, не рассеялись в воздухе, а затолклись, затолклись, как столб мошкары, и буквально в следующую минуту сплотились, стянулись в призрачное облако, которое тотчас же переформировалось в веретенообразное тело. И это веретено поплыло прочь. Пронзив

березняк по краю поля и даже ни капельки не пошевелив кроны, странное веретено исчезло с глаз.

Модуль приземлился. У люка стоял Игорь и озабоченно озирает небо.

— Вы чем это так насолили им? — любопытно спросил он. — Пришлось защиту использовать.

— Да мы ничего... шли себе... на встречу с тобой...

— Мы... мы... мы... — промычал Мыс-Гордеевский.

Он сидел на земле, вцепившись руками в пахоту, взгляд его был дик и блуждал. Неизвестно, в каких эмпиреях блуждал на сей раз наш герой, но волосы у Григория еще не опали после магнитной бури и делали его похожим на клоуна или дикобраза. Игорь, однако, даже не усмехнулся. Озабоченно глянув на эти лесом торчащие волосы, он вернулся в кабину и что-то выключил там. Космы тут же упали. Упали карикатурной челкой на лоб, и теперь Мыс-Гордеевский уж точно стал похож на фюрера в траковке Кукрыниксов. Славик ехидно усмехнулся. Но Игорь был серьезен.

Укусы шаровой молнии

Нечего и говорить, что явление незабываемого шара чрезвычайно потрясло нервную систему будущего президента. С горстями судорожно захваченного гумуса его подняли с пахоты и препроводили в модуль. Сбылась-таки мечта Жиклера! "Тарелка" немедленно взмыла ввысь. Только здесь, среди стерильной, сверкающей чистоты, в царстве кнопок и клавиш, под защитой всемогущего фиолетового луча Жиклер ожил, слегка оправился от потрясения. Его, как наиболее напугавшегося, с почетом усадили во вращающееся кресло, передвигающееся вдоль всего пульта.

— Это что за люди в расстегнутых пиджаках, человек шесть-семь, бежали там вдоль опушки? Ваши? — поинтересовался Игорь.

— Мои мерзавцы! — скривился Мыс-Гордеевский. — Вернусь — всех вышвырну! Всех! — Наш герой грозным вскидом указательного пальца черкнул воздух. Из чего можно было заключить, что он приходит в себя. Ну да, опасность миновала, он снова стал самим собой, осмелел. Осмелел, однако, до такой степени, что, мало-мало погодя, стал приноравливаться, как бы ткнуть пальчиком в ту или иную клавишу, и вообще проявлять живейший интерес к управлению тарелкой. Пришлось пересадить его в другое кресло, подальше от пульта. Но законное чувство лидера и тут не оставило Гришу, оно требовало от него активных действий.

— А вы, — спросил он, нимало не смутясь, — могли бы тем лучом наши ракеты уничтожить?

— Запросто.

— А шахту, ракетную шахту может эта штука зацепить?

— Коли потребуется, в одну минуту.

— В одну минуту? — испуганно переспросил Мыс-Гордеевский и надолго, всерьез задумался. М-да, н-да... Известие о том, что этот тщедуш-

ный модуль может истребить даже шахтные стволы, глубоко поразило будущего лидера одной шестой части суши. Было видно: обширный сонм чувств толчется в Грише Жиклере после полученной информации. Наконец он вспомнил о шаре.

— А шар вы уничтожили? Там какое-то веретено образовалось.

— Тонкий мир невозможно уничтожить нашими орудиями, — ответил Игорь. — Разве вы уничтожите туман или облако, стреляя в него, скажем, из пулемета? Так и тут.

— Но шар, шар... Было такое впечатление, будто он наполнен жидкостью.

— Концентрический взрыв. Коллапс наоборот. Схоже с явлением шаровой молнии. Мы пока не в силах объяснить это явление.

— Шар мог причинить нам вред? — включился в ученый разговор Чунасоцкий.

— И приличный. По крайней мере, агрессия по отношению к вам была налицо. Шар шел конкретно на вас.

— И что же он мог нам сделать? — быстро спросил Мыс-Гордеевский. — Похитить нас, испепелить? Или на части разобрать?

— Если по аналогии с шаровыми молниями, то не завидую вам. Большинство шаровых молний безвредны, летают, летают по комнате, как осы, и были таковы. Но если уж разлились...

— Вы говорите о них, как о живых существах...

— А они и есть живые. Был такой случай: шаровая молния залетела в палатку альпинистов, разлилась и искусила всех четырех по очереди.

— Искусала?

— Ну да. Прожигала спальный мешок и такие куски мяса вырывала! До костей. Шигин, Карпов и Башкиров укусами отделались, а Олега Коровина она закусала насмерть.

— Почему его? — с живейшим любопытством спросил Мыс-Гордеевский. — Он ей что, особо крепко насолил?

— У Олега единственного из четырех мешок был послан на резиновый коврик. Молния эта долго и упорно, с изощренным садизмом издевалась над ребятами, а они лежали, как парализованные...

— Господи!.. — в экстазе выдохнул Мыс-Гордеевский, вознес очи горе и истово перекрестился. Потом, как бы спохватившись, осенил себя крестом второй раз, третий.

— Я не хочу на Землю! — наконец категорически заявил он, и скорбная складка легла от уголков его ораторского рта.

— Почему?

— Там шар... Я с вами хочу.

— С нами?.. Но мы ведь очень далеко летим. На другую планету.

— Вот-вот! — Жиклер вскочил с вращающегося сиденья и схватил Игоря за руку. — Хочу с вами на другую планету!

— Вообще-то как правило в такой просьбе мы отказываем. Но вас... — Игорь вопросительно посмотрел на Славика.

Тот кивнул.

— Вас мы возьмем... Кстати, оружие у вас имеется?

— О, да! — охотно засуетился Мыс-Гордеевский, нагнулся, заголил штанину и вытащил из-за носка ладненький, с шоколадной пластмассовой ручкой пистолетик. Не преминул похвастаться: — С двух шагов шейку рельса пробивает!

"Обманул-таки, треклятый!" — ругнулся про себя Чунасоцкий, Игорь же недоверчиво повертел игрушечный пистолетик, затем достал из кармашка пультя штучку, похожую на карандаш, провел ею по рукоятке оружия и не глядя вернул пистолет хозяину.

— Как? — вскинулся тот.

— Ваш пистолет теперь муху не убьет! — поспешил сообщить хорошо осведомленный Чунасоцкий.

Жиклер, щелкнув каблучками, всем туловищем, как офицер, повернулся в его сторону и, выпучив глаза, уставился, будто впервые увидел.

— А вы что здесь делаете? — начал было Жиклер, но тут же спохватился, что не в своем офисе, и махнул рукой.

Все засмеялись. Для дальнего путешествия Григория Харлампиевича попросили снять пиджак, потайную кобуру с ремнями. Облачили в серебристый облегчающий комбинезон. Жиклер забавлялся, как ребенок, долго манипулировал кнопкой в правом боку, напротив печени, играл ею, то увеличивая размеры скафандра, то доводя его до степени облегания. Наконец, наигравшись, попросил зеркало. Вместо зеркала включили монитор, на котором лидер партии отразился во всей своей красе. Уж и повертелся же наш герой, выбирая позу! То делал ручкой, как танцор перед выходом, то книксенчик отвечивал, то гордо смотрел вдаль, как и подобает вождю. Скоро заглавная поза нашлась: оттопыренные губы, лоб в сердитых морщинах — задумчивое, глубокомысленное выражение. Вождь племени, старейшина рода, да и только. Нечего и догадываться, что Гриша тут же попросил сфотографировать его. Что тут же и было сделано. Ему моментально выдали несколько фотографий, и он долго морщил и тер лоб: какую выбрать для титульной обложки партийного журнала. Медальный профиль вождя, смотрящего несколько вправо и вдаль, больше всего подходил к боевому духу печатного органа, и эту фотографию Мыс-Гордеевский аккуратно отложил. Вкусно потер руки, предвкушая будущую сенсацию. Остальные снимки, сотворив автографы, с легкостью необыкновенной, почти хлестаковской, раздарил членам экипажа. Сувениры были с благодарностью приняты. Земля, между тем, отдалялась, была уже не больше глаза человеческого и, кажется, сквозь космическую жуть ободряюще подмигивала путникам. Командир корабля Игорь Меламедов достал тубу и выдавил по граммულке белого вещества — каждому на губы. Модуль сразу же набрал скорость до величин, уму непостижимых.

Земля исчезла, как будто и не было ее.

Галоп цивилизации

— Не напрасно ли мы взяли его с собой? — высказал опасение Чунасоцкий.

— Но ведь теперь он в твоих руках. Ты же страшно хотел расправиться с ним. Все бросил: семью, работу, погряз в невероятных историях. Так расправляйся. Пойди и убей. Я помогу тебе сделать это бескровно и аккуратно.

— Ты серьезно, Игорь?

— А разве такими вещами шутят?

— Не поверю, что ты можешь быть сообщником в таком... таком грязном убийстве. Даже больше — подлой расправе.

— Хорошо охарактеризовано. Но ведь ты же хотел! Все поставил на карту ради "спасения человечества". Неужели теперь дрогнешь? Раз — и концы в воду. А хочешь, альтернативу убийству найдем. Сделаем где-нибудь в "Матрикаррии" звеньевым. По-моему, из него хороший звеньевой может получиться.. А то и бригадир. Не находишь? Будет в кепке и с кнутом за голенищем ходить по межам и девками командовать.

— Нет! — покачал головой Славик. — Не надо никаких звеньевых. Я теперь раздумал его убивать. Вернее, не смогу его убить. Вернее, сомневаюсь...

- В чем?

— Что это убийство будет на благо человечеству. Тут дело не в одном человеке. Родись он, не родись, этот несчастный Жиклер, ничего не переменится, человечество так и будет катиться к своей роковой черте.

— Bravo!.. Сам до этого дошел или кто-то надоумил?

— Сам! — мрачно ответил Чунасоцкий. — Знаешь, что... давай-ка вернем Жиклера на Землю в целостности-сохранности, пусть там забавляется, на обложки себя наклеивает...

— Вот это я и хотел от тебя услышать! — удовлетворенно ответил Игорь. — Скажи, а почему ты его Жиклером зовешь?

— А! — невесело улыбнулся Славик. — Так, на ум впало. Заводной, моторный, деятельный. Мотоцикл!.. Слушай, а тебе не кажется, что после нападения шара Гришка другим стал?

— Да я ведь не знал, каким он раньше был. Конечно, это потрясение не должно пройти просто так.

— Особенно когда ты о ракетных шахтах так запросто сказал. По-моему, это его больше всяких шаров ошеломило...

Они сидели в той самой каюте, где Чунасоцкого поселяли ранее. Окно-иллюминатор было открыто, с улицы доносилось рыканье львиц. Лев Горюн дважды показывал свою морду, он узнал Славика и вообще выказывал полное расположение к прилетевшим. Мыс-Гордеевский осваивался в соседней комнате. Неизвестно, какие бури чувств взметывались и бушевали в его забубенной головушке, что он там подельывал

в новой обстановке. Ходил ли по новой квартире, как все тот же Хлестаков, мечтал ли о своих "ста тысячах курьеров", еще ли чего выметывал в расторопном мозгу, а только вскоре с улицы донесся отчаянно-шавочий визг Горюна, а из-за стенки — не менее панический вопль самого Гриши. Чунасоцкий и Игорь кинулись к нему. Мыс-Гордеевский стоял, прижавшись к стене, и с испугом смотрел в окно. На полу валялись выплюнутые капсулом пульки. Все ясно: лев напал на орла, орел напал на льва. Квиты. Жиклера, как могли, успокоили, усадили, сели с ним беседовать.

— Кто здесь главный? — вдруг по-инспекторски спросил Мыс-Гордеевский, и в тот же момент стало ясно, что ни шар, ни испеление шахт фиолетовым лучом ничему разумному заводного политика не научили. Апломб одолевал лидера, как блохи дворового кобеля.

Он повторил свой начальственный запрос настойчивее.

— Хочу видеть самого главного по старшинству.

— У нас здесь нет главных. Тем более по старшинству, — спокойно, как на лепет ребенка, ответил Игорь.

— Как так нет? — У Мыс-Гордеевского даже челюсть отвалилась. — Кому же вы тогда подчинены?

— Самим себе. И своей работе.

— Быть того не может! — Жиклер забегал по комнате. — Чтобы не было начальства? В жизни не поверю!

Бегая, Григорий открывал даже дверь и выглядывал в коридор, нет ли там начальства, не подслушивает ли?.. Коридор был пуст. Тогда Мыс-Гордеевский с хитрецей посмотрел на Игоря. И даже погрозил ему пальцем: по-онял, все теперь понял, ты и есть начальник.

— И как же у вас с дисциплиной? — минуту спустя продолжал он добивать невыясненный вопрос. — Не жалуетесь?

— Без дисциплины нам нельзя, — серьезно ответил Игорь. — Малейшее отклонение — и сразу вверх тормашками взлетишь.

— О да, о да! С вашими-то возможностями! А у нас в партии трудно-ваго с этим делом. Да-с, куцевато. Налево любят ребята ходить — хлебом не корми. Поучиться у вас, любезнейший, не мешало бы, а?..

— Пожалуйста, учитесь! — охотно разрешил Игорь. — В таком благородном деле отказывать нет никакой возможности.

Разрешения оказалось мало: непоседа потребовал свести его с коллективом. Дабы воочию убедиться насчет дисциплины.

— А вот эту просьбу я не смогу выполнить, — ответил Игорь.

— Почему? — искренне удивился Жиклер.

В самом деле: почему? Что, коллектив не хочет встретиться с лидером землян и откровенно побеседовать о насущном? К великому изумлению Мыс-Гордеевского выяснилось, что коллектива на станции нет, не имеется как такового в наличности. Для чего? Кто его, коллектив, разбросанный по закоулкам Вселенной, стал бы собирать? Да и зачем? С какой целью?

Люди трудятся каждый по отдельности, зачем им вместе-то собираться? Сей факт потряс до основ перегревшуюся от впечатлений натуру знаменитого землянина. Он попросил отдыха, попросил тайм-аут, чтобы обмозговать этот никак не укладывающийся в мозгу факт — отсутствие коллектива. Значит, все верно: нет коллектива — и руководить некем. Некому власть показывать. А из этого следует: на какую фигу тогда нужно начальство? Вот ведь какой велосипед изрисовывается, какой плюсквамперфектум получается. Сразу и не поймешь, что к чему. Но с другой стороны: где это видано, чтобы не было коллектива? Как так? Не зажим ли это демократии и так далее? С такими беспокойными, прямо-таки тревожными размышлениями и оставили отдыхать беспокойного аналитика. Опять вернулись в комнату Славика.

— Он так ведь и не успокоится! — высказал опасение Чунасоцкий. — Таким же жупелом и вернется на Землю.

— Да, натура сильная, увлекающаяся, — покачал головой Игорь. — Макарушка Нагульников.

— А нельзя ли хирургическим путем ему некоторые центры сместить? Чтобы спесь-то эту посбить. Ведь нормальный же человек, если без спеси...

— Нейрохирургическое вмешательство? Этого мы никогда не будем делать. Не имеем права. Тот круг цивилизации, который над нами, не позволяет вмешиваться в жизнь землян. Все должно совершиться так, как должно совершиться.

— Принцип муравейника?

— Не понял?

— Принцип зоолога, наблюдающего за муравейником.

— Пожалуй, да. Я вот что надумал насчет нашего гостя. Надо вывести его на Контакт.

— В ту самую башенку? — Ну да.

— А мне нельзя?.. А то накопились вопросы.

— Тебе что, мало головной боли?

— Боль я готов терпеть. Гораздо важнее побывать там. Очень важно, понимаешь?

— Хорошо.

Они сидели у окна и смотрели на закат. Солнце на этой планете было похоже на земное. Закатываясь за горизонт, оно так же увеличивалось, тяжелело и гасло, приобретало насыщенный малиновый цвет — как остывающая кузнечная заготовка.

И все же... Все же это был не земной закат. Пыль от тяжелых грузовиков и солдатских сапог, гарь от орудий, выбросы с самолетов, лисьи хвосты химических заводов, богатырские дымы ТЭЦ — ничего этого не было на удивительно тихой планете. Там, на Земле, атмосфера напоминала невымытую бутылку из-под прокисшего молока, а здесь она сверкала, как алмаз. Воздух был так чист, словно его, воздуха, и вовсе не было. Дышалось удивительно легко, так, наверное, дышали наши предки.

Семейство львов, откушавши сухариков из колоды, мирно почивало под окном. Львицы веером расположились вокруг главы прайда.

Была та самая минута сумерничанья, когда так и тянет на откровенные разговоры.

— Давно хотел тебя опросить, Игорек... Откуда вы?

— Я? С Земли, ты же знаешь.

— А технология?.. Неслыханная ведь на Земле. На сотни порядков выше.

— Открою тебе секрет. Можешь не верить, но к нашей технологии земляне могут подойти за одно-два поколения.

— Каким образом?

— А разве не видно?.. По-моему, невооруженным глазом видно, почему у людей так вяло идут дела.

— Почему?

— Да лентяи они, это во-первых, а во-вторых, слишком, даже чересчур, расточительны. Я имею в виду время. В-третьих, много глядят по сторонам, отвлекаются на разные шутовские представления, пустяки типа той же политики. Есть такой метод, метод непрерывного мышления... Всего удивительнее то, что люди о нем прекрасно знают, но практически никогда не пользуются. Простой пример. Человек изобрел колесо еще при Аврааме, а возможно и ранее, а простейшую штуку — велосипед — освоил через тысячелетия. Тысячи лет дремотный человеческий ум додумывался до пустяка: поставить эти два колеса на раму... Ну хорошо, вот он, первый велосипед: два колеса, рама и седло. Ни педалей, ни цепной передачи еще нет, человек катается, отталкиваясь от земли ногами. Он отталкивается, и он доволен. А будь он знаком с методом непрерывного мышления, он не стал бы тратить время на столь несовершенный агрегат, он просто проиграл бы его в голове и в голове бы дошел до принципа педалей на втулке. Но и педали проиграл бы в голове и придумал бы цепную передачу. А вот тогда бы уж и делал велосипед — с цепью, с педалями. Сколько времени сбереглось бы, а?.. Ведь нет же ничего быстрее человеческой мысли, это самая совершенная экспериментальная мастерская. Второе: принцип организации...

— О, на эту тему я бы тебе тоже много наговорил, — вставил Славик.

— На Земле, — продолжал Игорь, — технологии, как правило, создают кустари-одиночки. Типа Кулибина или Королева. А между тем этот процесс должен быть, как никакое другое дело, профессионализирован. Машинизация, компьютеризация, отбор и развитие будущих кулибинных, коллективный разум, самоотреченность — на Земле этим занимаются сумбурно и эпизодически. Все, абы как, все спустя рукава. Поэтому все так вяло и тянется.

— Стоп-стоп, Игорь. С другой стороны, может быть, таким образом провидение и хранит человечество от скорой гибели.

— Это уж точно. Дай-ка ему хотя бы нашу технологию... Такой фейерверк устрой, чертям станет тошно.

— Полностью согласен. Скажи теперь насчет самоотреченности. У тебя есть семья?

— А вот это как раз и лишнее. Отвлекает от дела.

— А как же вы эти проблемы решаете? — Славик как бы дернул вожжами. Да еще присвистнул, как суслик.

— А никак не решаем.

— А-яй! — протянул Славик и надолго замолк, пораженный. Честно сказать, была у него мыслишка перейти в игровую веру, работать с ним. Но после такого сообщения он — пас. Твердо пас. Потерять одну из сладчайших утех — выше его сил. Моральных и физических.

— А может, куда-нибудь все-таки ходите? К каким-нибудь жничкам-певичкам? Летаете? В какой-нибудь монастырек, а? — в последний раз, не теряя надежды, наудачу спросил Чунасоцкий.

— Нет, не летаем! — твердо ответил Игорь, и щеки его незаметно, по-девичьи порозовели.

Закон кармы

Утром, чуть свет, к Славiku заявился Григорий Мыс-Гордеевский. Тих и благостен, умыт и одет в чистую рубаху, как перед причастием. И разговоры повел смиренные, богобоязненные, соответственные случаю:

— Вернусь туда, — он потыкал пальцем вниз, — поведу всех членов партии креститься.

— Как солдат в баню? — съязвил Чунасоцкий.

— Да. А что тут такого?.. Какая может быть насмешка? По отдельности их никаким арканом не затащишь. Да и времени много потратишь.

— Резонно. А людно у вас в партии-то?

— Что значит "людно"?

— Какое количество членов?

— Большое количество членов! — раздул ноздри и отвлеченно посмотрел в окно Григорий Харлампиевич. — То и худо. Всякая шваль прет, в том числе и враги. Чистку! Чистку буду проводить! — Он так хватил кулаком по столу, что вся первоначальная благостность его осыпалась, как пыль с петровских ботфорт.

Думно захватив кулаком подбородок в ожидании обещанного контакта, аудиенции с Высшими силами, он стал бегать по комнате из угла в угол. Остановившись, сверкнул глазами, выбросив вверх кулак в духе "но пасаран", обнадежил:

— Контакт! Контакт нам поможет!

Вошел Игорь.

Он пригласил посмотреть, как идут полевые работы у Гагарина.

— У Гагарина? — ошеломленно воскликнул Жиклер. — У Юрки?

— Ну да, у Юрия Алексеевича.

— Того самого?

— Да, того.

— Эх! — схватился Жиклер за левую половину груди. — Не зря мне всю ночь покойница-теща снилась...

В "Матрикарии" было дождливое туманное утро. В тумане смутно вырисовывались фигурки людей, то тут, то там склонившиеся на картофельном поле. Помахивала хвостом чалая клячонка. Возле телеги, загруженной мешками, возились три мужика, в дождевиках с капюшонами похожих на куклуксклановцев, совершающих свой обряд. Или солдат химзащиты. Они вели лошадку по борозде и загружали телегу мешками. Мешки стояли часто, надо думать, урожая "второго хлеба" получился отменный. Слава Богу, с картошечкой будет "Матрикария"! Моросил, вызывая скуку, нудный мелкий дождь, на поле было сумрачно, и Игорь приблизил изображение. Из-под кокона дождевика лезвием бритвы полоснула знаменитая гагаринская улыбка, Григорий Мыс-Гордеевский потрясенно выдохнул:

— Ах, мамочка!

Гриша цепко, как тогда на пахоте, поймал рукав Славика и уже его не выпускал. Определенно, совершенно ясно: какая-то важная работа совершалась в черепной коробке этого бодрого человека. Второй грузчик был незнаком, нет, не Олег Даль, а вот фигура третьего человека... Высокая, изрядно сутулая, обезьяньи длинные руки так знакомо, так складно жестикулируют. У Славика сладко заныло сердце.

— Покажи, покажи того, высокого! — сдавленно попросил он.

"Стелющийся луч" описал дугу вокруг телеги. Вот показался из-за края капюшона усадистый шнобель, лошадиные губы в вечной, никогда не проходящей улыбке, оголенные десны. О Боже! Настало время Славика хватать за колено своего соседа.

— Санька! Это же Санька Саврилин!

— Поэт?

— Да-да, поэт. Как тут он у вас образовался?

— Как и все.

— Он умер, стоя в переполненном автобусе...

— Он не умер! — жестко вставил Игорь. — Его взяли. Остановили сердце и взяли.

— Кто?

— Не мы, конечно.

— Но зачем?

— Вероятно, понравился. Вероятно, исчерпал себя на Земле, стал больше ей не нужен.

— Нарушил карму?

— Да. Могу точно сказать: нарушил. А парень-то интересный. Стихи так хлестко читает. Правда, стихи так себе, соцреалистические клипы, но читает здорово...

— Читать он умел...

В апельсиновом, будто вынесенном из цитрусовых садов вельветовом костюме, худой и длинный, импозантно сутуленный, с задорным вихрем способного пионера-кружковца, утопая в обаятельной услужливой улыбке, Саша поднимался из-за стола на поэтическом вечере и шел к микрофону, и зал предвкушенно замирал: этот выдаст. И зал не ошибался. Поэт представлялся слушателям, и голос его был обычен, буднично-ровен, но стоило перейти на стихи, как с подиума лился бархатный львиный рык. В недрах глотки, как ошпаренные банные камни, рокотали, выпрастывались наружу и катились на притихший зал звуки. Шаляпинский могучий рокот. Кажется, даже люстры начинали подрагивать, ознобный восторг охватывал слушателей. Отчаянно-сабельные замахи рук типа "режь последний огурец", бодливые вскиды кружковского вихря дополняли картину. Когда же поэт эффектно, как бокал об пол, отчекривал последнюю строку и ставил точку, в зале устанавливалась магнетическая тишина. Тишина, предшествующая обвалу. И обвал был. Люстры уже не дрожали, а всюю раскачивались. Кажется, от неистовых аплодисментов пудрой покрашивалась кое-где штукатурка. Бисировали. Гордый собой и вполне довольный, с широкой счастливой улыбкой, Саша всеобещающе раскланивался, триумфаторски потряхивал сцепленными руками. Лавровая ветвь, кажется, уже шелестела над юношеским полубоксом, а у выхода за кулисы уже дежурила, витала коварно растворенная в воздухе звездная болезнь. Она готова была опуститься и со всей силой сграбастать жертву. И сграбастала-таки... Сами по себе стихи, предательски оторванные от могучего голоса, были так себе, среднего калибра, хорошо и правильно сделанные, но болезнь, однако, требовала императорских подношений. А их — увы! — не было. А трактирная стойка — вот она, рядом... И закон кармы свершился.

— А так парень хороший, — точно угадывая угрюмые славиковы мысли, отозвался Игорь. — Весь светится от доброты, рад в любую минуту кому угодно услужить.

— Выключи! — тихо попросил Славик.

— Нет! — категорически вмешался оправившийся от шока Мыс-Гордеевский, — я еще хочу посмотреть! А вы, Вячеслав, выйдите в мою комнату и посидите там, если не нравится.

Как видно, никакая важная работа в черепном чемодане политика-бодряка не совершилась. Игорь, однако, выключил изображение, объяснив надувшему губы Жиклеру, что подошло время контакта.

— Ну да, контакт! — воспламенился Мыс-Гордеевский. — Идем немедленно! Пошли к Башне.

Второй контакт с высшими силами

Умиление посетило голубые глазки народной бестии, когда подошли к Башне. Даже голубино склонил голову набок, как мадонна, сложил ла-

дошки на груди наш орел. Видно было, крепенько подрастерялся Жиклер, не знал, как вести себя в подобной ситуации. Робко, как деревенский жених, подошел он к двери, виновато оглянулся на сопровождающих, искательно улыбнулся... Кажется, целую вечность прождал Чунасоцкий его выхода из Башни, чтобы зайти туда самому. Мысли его были в сумбуре. Ах, Саша, Саша!.. Саша был как пример, как яркое наглядное пособие, но дело, конечно, не в нем одном... Уж сколько раз твердили миру: "Смири, смири свою гордыню, человек! Смири, а то хуже будет!" Черта с два! "Все равно хуже некуда", — отвечает гордый человек. И не смиряется. Ему бы, как разумному существу, усвоить, что жизнь его, само существование на свете — страшный и опасный лес, свирепые джунгли, через которые для каждого протоптана одна-единственная тропка — его карма. Только одна эта стежка и выведет человека к свету — душевному равновесию и довольству, то есть к счастью, и упаси Бог ошибиться, свернуть... Однако человек — уникальное животное, ему, как блудливой козе, ведь обязательно надо свернуть с предначертанного. Обязательно надо, негодяю, поплутать в негодном лесу. Как же-с, без этого ведь и жизнь не в жизнь. Вот он, вот: всеми говенными соками хлипкого нутреца, воспаленной душонки он жаждет власти над другими, жаждет славы. Кроме того, он жаждет кресла, жены ближнего, швейцарских счетов, яхт, особняков, он раздувается от жажды, как клоп, и — опять жаждет. Кое-кто называет эту жажду двигателем прогресса — плюньте тому в лицо, немедленно плюньте!.. Человек лишает жизни другого человека, ворует, насильничает, подсиживает и плутует, даже вкальвает нещадно, потому что жаждет. Он кушает бутерброд и опять же жаждет, чтобы масла было толще, чем хлеба — прямой путь к разрушению организма, к холециститу. Но он этого не понимает, он давно свернул с тропы... Многие свернули с тропы и теперь, чертыхаясь, блуждают по огромному человеческому лесу, аюкают, натыкаются друг на друга, причиняя зло, и следуют с завязанными глазами далее. Весь человеческий бор, весь лес устлан костями и испражнениями, рвотой и гноем, весь лес — гигантская людская помойка — смердит и воняет, и даже тем редким личностям, которые со своих троп никуда не сворачивают, идти трудно и невыносимо. Зловещий столб смердящих био- и психоиспарений восходит от человеческого котла, копится до критической массы и гнусными зарядами улетает в запредел Вселенной, отравляя космические окрестности. Так ведь должен же найтись и санитар!.. Наконец открылась дверь Башни, и в коридор вывалился Мыс-Гордеевский. Волосы его были всклокочены, торчали безобразными космами, будто в сене кувыркался. Видимо, здорово потискал их, истязая себя в космической исповедальне. На лбу набухали горошины пота, по лицу вместе с потом катились обильные слезы. Невиданное дело — Жиклер плачет. Поводив очумелыми глазами, он заметил Чунасоцкого и устремился к нему. Схватив за руки, по-братски ткнулся Славика в грудь. И так горячо и прочувствованно это сделал, что в душе

Чунасоцкого, как писали в сентиментальных романах, шевельнулось доброе чувство. Наконец Жиклер отлепился и взглядом, полным благостных слез, уставился на Славика. Все можно было прочесть в нем в эту минуту: детскую беспомощность и покаяние, монашеское смирение, сожаление, готовность сей же миг услужить чем угодно и в чем угодно. Беркут с померкнувшими глазами, сокол, ставший ласточкой. Чунасоцкому сделалось не по себе: человеческая слабость всегда смущает. Однако недолго взгляд Жиклера был покаянен, эта сопливая рассиропленность длилась минуту, не более. Скоро Жиклер взял себя в руки, тыльной стороной рукава утер пот и слезы, и весьма веско заявил:

— Вернусь домой — всех перекрещу!.. До единого.

Он подумал-подумал и, ткнув себя в грудь пальцем, добавил:

— Но теперь! Теперь! Теперь я кое-что понял. Теперь я буду действовать по-другому.

Четко щелкнув каблуками, он удалился по коридору. Что имел в виду Мыс-Гордеевский, собираясь "действовать по-другому"? Размышлять на эту тему не было времени — настал черед Славика идти в Башню. Контакта некоторое время не было. Но он чувствовал — Они здесь. Они видят его, изучают. Иголочками легонько пощипывало в мозгу, и вот пошел, пошел диалог... Как будто угадывая главное, зачем зашел Чунасоцкий в Башню, последовало утверждение:

— Человечество ждет беда.

— От кого?

— Человечество само ведет себя к беде.

— Когда она случится?

— Мы не можем сказать срок.

— Нострадамус о ней предупреждал?

— Нострадамус ошибался в сроках. Беда придет позднее. Скоро людям придет еще одно послание от звезд. Последнее.

— А разве уже были?

— Да. Но люди не реагировали. Будет еще одно. На это послание людиотреагируют. Через четыре месяца звезды пришлют своих посланцев. Они останутся среди вас. Они будут направлять вас.

— Руководить?..

— Нет, направлять.

— Гибель человечества... Я доживу до нее?

— Гибели человечества не будет. Будет большая беда. Многие погибнут. Но произойдет разделение. В 2030 году тысячи землян будут отправлены на другую звезду. Там они сохраняют вашу цивилизацию.

— А на Земле?.. Что будет на Земле?..

— Мы не будем отвечать на этот вопрос. — Незримый голос неведомым образом проникал в мозг, был машинно-четок, фразы были рубленократкие, как воинский приказ. Лишенный всякой витиеватости мысли,

интонации и настроения неведомый этот голос был действительно похож на ответы компьютера, некоего робота из фантастического фильма. Может, компьютер и говорит?

— Кто вы? — дерзнул спросить Чунасоцкий.

— Мы не можем вам это объяснить.

— Вы машина? Компьютер?

— Мы — это мы. Мы не машина.

— Вы всемогущи?

— Для вас — да. Но есть силы, которые над нами. Там они повелевают.

— В том числе и вами?

— Да. Они направляют нас.

Диалог продолжался, однако вопросы глобального характера у Славика были исчерпаны. Оставались личные. На Земле Славик за версту обходил цыганок и всяких доморощенных прорицателей. Даже Верке не доверил свою ладонь. Мало ли какой лапши навешают, ходи потом, как приговоренный. Здесь же он решил рискнуть:

— Что будет со мной?

— Мы этого вам не скажем.

— Почему?

— В ваших же интересах.

— Но вы знаете мою судьбу? Когда я умру? В каком возрасте?

Диалог внезапно прекратился. Удивительная связь прервалась. Туманное молоко в Башне в секунду рассеялось. Выступили голубоватые стены. Все. Все-то все, но почему не было ответа? Ответа, который в момент бы мог перевернуть всю его судьбу. Вышние силы не хотели пугать Славика? Близкой болезнью, внезапной гибелью? Или — именно не желали, чтобы он стал судьбу переворачивать? Неловко сравнивать, но ощущение было такое, будто поймел дело с женщиной и не до конца. Несколько не в своей тарелке выступил он из Башни. Теперь Славик хорошо понимал Жиклера. Тот, наверное, тоже залез в область, куда залезать не положено. Игорь уже ждал его.

— Ну как? — Чунасоцкий махнул рукой.

— А в общем-то все в порядке. Они молодцы. Ничего мне не сказали.

— У них своеобразные нравственные императивы. Табу на многие вопросы. Особенно личные.

— Вот на личные вопросы они мне и не ответили.

— Может быть, и лучше, что не ответили?

— Скорее всего. На Землю хочу. Сейчас же, немедленно.

— Вы что, сговорились с вашим попутчиком? Твой Жиклер туда же просится. Ни минуты не желает оставаться.

— По партии соскучился...

— Влада не хочешь посмотреть напоследок?

— Влада! А он здесь?

— Нет. В "Матрикарии". Направили на ответственный участок работы, как бы сказали на Земле.

— И что же это за участок?

— Заведует культурно-досуговой частью. Как бывший шукинец, то есть выпускник Щукинского училища.

— Пустили же козла в огород!.. Да он там живо всех этих жниц перешерстит. Ни единой не пропустит.

— Не скажи. После ранения и реинкарнации он шибко подшибся, охромел на это дело. Потому и пустили.

— И что, приступил?

— Не знаю! — озабоченно сказал Игорь. — Два раза искал его с помощью этой штуки. — Он кивнул на монитор...

— И что?..

— Как сквозь землю провалился. Нигде нет.

— В копнах его ищи, Игорь, в копнах. Со жницами.

— Искал и в копнах. Жницы все в наличии, на полосе... А его нет. Да куда же он мог деться-то?

Тут Игорь вдруг остолбенел. Затем думчиво приложил кулак к губам, потер указательным пальцем висок. И с этим моментально извлек из карманка на груди крохотный блестящий карандашик, некую блестящую же пластинку. Что-то коротко черкнул этим гвоздиком по пластинке.

— Метод непрерывного мышления? — съязвил Славик.

— А?.. Чего?.. — рассеянно отозвался Игорь.

Весь вечер с помощью стелющегося луча они искали Влада. Всю "Матрикарию" обшарили — нет нигде культурного затейника. Только к полуночи пришло случайное известие, что ловят где-то с Гагаринным рыбу на озерах. Бреднем. Это успокоило друзей: ловит шурят, значит, все в порядке со шукинцем...

Тюк с долларами

В больницу тихого районного городка поступил странный пациент. Долговязый молодой человек сознался, что не имеет на данный момент постоянного места жительства. Однако на бомжа был не похож. Поступивший попросил посмотреть у него в подмышечной области распухший лимфоузел. После консультации хирурга с главным врачом было решено положить неизвестного на обследование, на гистологию. Хотя раковых клеток обнаружено не было, пациент настаивал на срочной операции, удалении твердой шишки. Что и было сделано. Оперировавших ошеломило извлеченное из недр опухоли инородное тело: металлический квадратик размером с тетрадную клеточку, со зловещим синеватым отливом и ловко скругленными уголками. Тонкая пластинка не гнулась, от напильника искрила. Этот небесный отлив позволял предположить наличие кобальта, радиоактивного материала, что уже само по себе опасно для организма. Загадочного пациента вместе с пластинкой решено было отправить в област-

ной центр. О происшествии немедленно были уведомлены компетентные органы. Ждали прибытия с минуты на минуту. И в это время произошло событие, затмившее первоначальное и по важности, и по неожиданности. Прооперированный попросил посмотреть извлеченный предмет. Нет никаких сомнений, что он знал о нем. Сначала в просьбе отказали, но больной настаивал. Тогда квадратик был принесен в палату и показан пациенту. Лежащий на кровати больной попросил поддержать таинственный предмет на ладони, и здесь главный врач допустил непростительную оплошность — дал находку в руки незнакомцу. Повозившись некоторое время с этим квадратиком, долговязый метнул его в рот, как таблетку, и проглотил. Предпринимать что-либо в такой ситуации было поздно. Сели ждать представителя службы безопасности. Здесь все и начинается: и пяти минут не прошло после проглатывания металлической штуки, как разошлись створки окна, не закрытые на шпингалеты, как от порыва шквального ветра с треском распахнулись, в палате с единственным этим окном сделалось сумеречно — окно закрыла тень невиданного летательного аппарата, сверкающего, как никелированный судок. Без сомнения, это был неопознанный летающий объект. Объект этот свободно, как через пустое место, прошел через кроны берез, не опалив и не согнув их, и завис на уровне подоконника. Буквально в ту же секунду в борту посуды образовался люк, в проеме которого маячила человеческая фигура в блестящем комбинезоне. Все находящиеся в палате оцепенели. Все, кроме больного, который, кажется, только и ждал появления тарелки. Он пружинисто кинул свое тело по кроватям, прыгнул на подоконник и во мгновение ока сиганул в люк, который тотчас же и задрался. Аппарат еще какое-то время висел над окном, но сколько времени прошло, находившиеся как бы в столбняке главный врач, сестра-хозяйка и медсестры вряд ли могут сказать: у них не было сил ни подбежать к окну, ни выскочить из палаты. Все боялись пошевелиться. Наконец люк вторично приоткрылся, и из него вышвырнули увесистый тючок в черной бумаге, перетянутый, как почтовая бандероль, крест-накрест шпагатом. Кувыркнувшись по подоконнику, сверток шлепнулся на пол.

— Ложись! — не своим голосом закричал главврач и, подавая пример, рухнул на пол.

Всполошенно размахивая руками, с визгом попадали ниц женщины. Но взрыва не последовало. Полежав минуту-другую щекой на холодном линолеуме, главврач осторожно косил глаз. Тарелки за окном не было. Тюк с лопнувшим от падения шпагатом распался, и из-под черной бумаги отчетливо выглянули уголки денежных пачек в банковских упаковках. Ого, похоже, доллары! Неведомая сила моментом кинула врача на ноги, и он, заворачивая повыше рукав халата, боком, боком начал прокрадываться к соблазнительному свертку, топыря вперед оголенную по локоть руку. Опомнившаяся раньше прочих женщин сестра-хозяйка тоже углядела доллары. Она отрывисто ойкнула и закусила платок. Дружно вспыхнувшие в палате

солнечные лучи высветили тонкие ноздри главной кастелянши: они нервно ходили. Зеленые глаза уставились на подкрадывающегося к добыче главврача. Сестра-хозяйка, клешнями раскинув руки, стояла в позе вратаря, готового пантерой кинуться на мяч. То бишь на брошенный в палату сверток. Под шпагатом белела записка: "Разделите, пожалуйста, эти деньги между медсестрами и санитарками. Благодарим за операцию". Главврач вертел записку и так, и сяк, пытаясь найти в ней еще какой-то смысл, какой-то подспудный намек, но, так ничего и не найдя, судорожно вобрал в себя воздух и обвел всех глазами. И тут в палату быстро и неслышно вошел сотрудник Федеральной Службы Безопасности. Мужчины бережно, как младенца, пронесли сверток мимо оторопевших медсестер в кабинет главврача. Сестра-хозяйка сунулась было следом, но ее решительно отгеснили и закрыли дверь на ключ. Главврач тотчас же закатал второй рукав и как перед операцией, воздел перед собой руки.

Приступили к вскрытию. Когда размотали шпагат и содрали черную облатку, одно-, десяти- и столларовые пачки так и рассыпались по столу. Несметное для нормального человека богатство небрежной кучкой лежало на пластиковой столешнице. Никем не учтенное, не оприходованное. Протяни руку, сунь пару пачек в карман халата, и долго-долго не надо будет горбатиться за двести тысяч "деревянных". Врач жалобно посмотрел на эсбиста и даже младенчески всхлипнул. Оперативник криво усмехнулся. В мозгу обоих мужчин сейчас, вероятно, бушевала одна и та же буря, щелкали арифметические машинки, перемножая немыслимое количество "зеленых" на пять тысяч — нынешний курс. Нули путались в голове, лезли друг на друга. Все равно выходило много, отчаянно много.

— Мы здесь одни! — не своим, замороженным голосом выдал наконец главврач.

— Нет! — непреклонно ответил эсбист, по-волевому скрипнул зубами и закрыл пятернями расплзшиеся пачки. — Не надо, Юрий Геннадьевич. Все сделаем чин по чину. Составим акт.

Зеленоватый суп из долларовых пачек поплыл перед глазами эскулапа. Четко вырисовался среди этой зелени, как отчеканился, мраморный чернильный прибор. Тяжелый прибор. Но оперативно, купированно использовать его, обрушить на плешь ретивого сыскаря все-таки духу не хватило. Эсбист между тем выложил перед собой бланк, и уже прочищал перо, собираясь составить акт. В дверь отчаянно ломились. И не только ломились, но и сугубо официально, требовательно стучали. Надо было выпускать понятых. Пошатываясь, как пьяный, главврач пошел открывать дверь, кося все же глазом на сыскаря — как бы тот не уворовал в карман пачку-другую. Никому так никому. В кабинет вместе с разозленной, как оса, взбудораженной главной кастеляншей скорым шагом вошел тучный, задыхающийся мэр со свитой. Увидев долларовые пачки, он побагровел и с ходу полез за валидолом. "Доллары, доллары!..." — почтительно зашелестело в свите. О "тарелке" как бы и за-

были, она в данный момент интересовала меньше. Мэр, усевшись в кресло главврача, отпыхивался. И, отдышавшись, своей властью отстранил эсбиста от составления акта. Если доллары обнаружались на территории, подначальной мэрии, значит деньги его, мэровы. Чего ж тут непонятного? Деньги вместе с обрывками шпагата и черной, мышино шуршащей бумагой поклади в чей-то услужливо предложенный портфель и под строгим присмотром доставили к машине. Рванули на машинах, включая и главврача, в мэрию. Срочно была собрана головка района, вплоть до некоторых руководителей предприятий. Пока собирались да рассаживались, секретарь мэра Аделаида Аркадьевна уже успела пересчитать тучные пачечки, разложить их по стопочкам. Мгновенно пронеслась весть, что денег в бандерольном черном свертке без нескольких сот девять миллионов. Девять миллионов долларов! Было, было над чем подумать. В кабинете мэра воцарилась почтительная тишина. Шмыгал беспокойно носом, как обиженный малыш, главврач. Он не переставал сокрушенно покачивать головой. Рядными пятнами пошли щеки у вице-мэра. Сам мэр кинул под язык еще одну таблетку валидола. Секретарша Аделаида Аркадьевна, встревоженно глянув на рассеившуюся компанию, вдруг выбежала из кабинета. Присутствующие проводили ее недоуменными взглядами, переглянулись и начали обсуждать, на что потратить свалившуюся манну небесную.

— Сорок с лишним миллиардов на наши деньги! — воскликнул мэр. — Да мы с этими денжищами сразу все дыры заткнем...

— Больницу новую построим.

— Нет, в первую очередь надо расплатиться с коммунальщиками. Полтора миллиарда им должны.

— Это теперь не деньги. Расплатимся в первую очередь.

— Но ведь... — тускло пискнул главный врач. — В записке было сказано, что медперсоналу... разделить.

— Не жирно ли, Юрий Геннадьевич?

Мэр внушительно крикнул и с неудовольствием посмотрел на главврача. Но так как глава района был хватким борцом за социальную справедливость, был именно тем человеком, о котором в прежние времена говорили, что "горелой спички не возьмет", что если и есть настоящие коммунисты в районе, так это, конечно, Иван Михайлович Творогов, то он и успокоил Юрия Геннадьевича:

— И медперсонал не забудем. Выпишем по окладу, а то и по два премии.

Вдруг смутная тень пролегла по лицу мэра, он поугрюмел, скривился, как от кислой капусты.

— А что это у нас главный счетовод Аделаида Аркадьевна так быстро выскочила? Где она?

— Звонит по телефону в приемной, — сообщил кто-то.

— Не брату?

— Кажись, ему.

Мэр скривился еще больше, бросил карандаш, которым вел подсчеты, стал смотреть в окно. Затем взял трубку параллельного с приемной телефона, послушал-послушал и шваркнул на рычаг.

— Все. Жди гостей из области.

— Что, с братом разговаривала?

— Да, с Федором Аркадьевичем.

Присутствующие приуныли. Деньги, которые можно было на свой страх и риск быстренько — в день-два — раскидать на счета, теперь скорее всего уплывут из района. Ах, Аделаида Аркадьевна, что наделала?

— Мужики! — воскликнул начальник райотдела милиции. — Что вы какие быстрые? Надо еще узнать происхождение этих денежек, а уж потом и делить. В какой-токой небесной канцелярии их наштамповали? Не фальшивые ли?

— Смотрел уже, — вставил эсбист. — Самые настоящие.

— А где же лица, их доставившие? — спохватился глава районной администрации и тут же махнул рукой, давая знак, что не то спорол. Тем не менее присутствующие вспомнили наконец о таинственной "тарелке", о странном пациенте, и взгляды всех обратились на главного врача — единственного свидетеля происшествия.

— А лица, доставившие их... — мстительно проговорил главврач, — пу-уф! — Он выпустил из себя воздух и прелестно, совсем по-мальчишески замахал ручками. — Нету этих лиц, испарились...

— А этот ваш пациент, — повел строгий допрос представитель ФСБ, — нормальным представителем рода человеческого был?

— Нормальным. Не с шестью пальцами, — огрызнулся врач.

— А тарелка?.. Какова из себя была?

— Как тульский самовар блестела.

За такими вот расспросами и суждениями, догадками и спором прошло время. Выполнившая свое подлое дело Аделаида Аркадьевна как ни в чем не бывало вернулась в кабинет, присела с краешка, скромненько, как деревенская старушка, выложив ручки себе на колени. Мэр метнул в ее сторону угрожающий взгляд: поставил бы тебя, Алка, на горох, кабы не братец вице-губернатор. Кой со свитой не замедлил явиться. До смерти напугав гулявших по площади перед мэрией кур, на середину ее приземлился зеленый вертолет с сине-бело-красной нахлопкой на борту. Вице-губернатор по-свойски чмокнул сестрицу в щечку, и та сразу расцвела, засияла, потом демократически поручался с каждым из сидящих, не исключая и женщин. Составили еще один акт, причем за понятых подписалась вся головка района. Сестрица вице-губернатора еще раз пересчитала деньги, на сей раз сумма оказалась больше, перевалила за девять миллионов. Впрочем, никто из райончиков не обратил на этот факт ни малейшего внимания: соблазнительные иностранные пачки теперь казались не более чем абсурдным хламом, резаной бумагой. Без всякого сожаления проследили рай-

онные руководители, как пачки одна за другой исчезают во вместительном саквояжке, похожем на инкассаторскую сумку. Ну что ж, чему быть, того не миновать. Возможно, область спустит какую-нибудь кроху из загадочной находки. Не скроем, вздох облегчения вырвался из груди мэра и других руководителей, когда областная команда забралась по железной лестнице в чрево вертолета. Аделаида Аркадьевна полетела в облцентр вместе с братом. А у остальных немедленно появилось желание после столь волнующей летучки порасслабиться, успокоить нервы. Практика в этом направлении была выработана прочная, дружно жила головка района, лишь разок переглянулись — и все, поняли друг друга. Вице-мэр тут же сел звонить на базу отдыха, расположенную в тенистом лесу на берегу чудесного озера. Скоро все расселись по машинам, рядовых сотрудников распустили "на сенокос", на дверь мэрии повесили замок. Сиротливо забелела на двери бумажка: "Приема не будет. Все уехали на презентацию". Верху района не считали нужным скрывать что-либо от населения, даже попойку, прозванную с недавнего времени приятно тающим во рту, как халва, иностранным словом. Презентация так презентация. Все равно ведь население узнает, что пьянствовали. А тут ничего не скрыто от населения — нет и пересудов. Дальнейшая судьба девяти миллионов главной валюты мира столь же неясна и загадочна, как и факт их появления в районной больнице. Каким-то макаром о небесной бандерольке узнали столичные круги. В область срочно вылетели за нею спецрейсом. Нечего и говорить, что первых два акта были положены под сукно и составлен новый. Причем сумма находки уменьшилась ровно на двадцать тысяч долларов — те две пачечки стодолларовых бумажек, которые успела-таки положить в свой кармашек сестрица вице-губернатора — себе и братцу. Московская комиссия в тот же вечер увезла халаявные денежки в аэропорт, и с тех пор о них ни слуху, ни духу. Много в нашей столице различных начальников, и все хотят жить хорошо. А в районе о тех денежках на той же презентации и забыли. С удовольствием вспоминала о них только Аделаида Аркадьевна. Грустный эпилог

— Ты где взял эти деньги-то? Такую прорву? — спросил Чунасоцкий, как только поднялись.

— Да понимаешь, — отозвался Игорь, — проходили как-то над Чикаго, низко шли, над самыми небоскребами, и вот гляжу: на крыше одного билдинга лежит этот самый сверток. Как младенец подкинутый. Из любопытства остановились. Горит огромная вывеска на билдинге "Чикаго фьюча бэнк". Ну раз банк да еще "фьюча", значит, надо взять. Ну вот и валялся в кабине до подходящего случая.

— Не знал, не знал! — сокрушенно покачал головой Чунасоцкий. — Пачечку-другую бы прикарманил.

— Почему бы и не прикарманить, — философски заметил Игорь. — какой-нибудь Акакий Акакиевич выносил по крохам на крышу, а потом, скажем, забыл. Впрочем... тамошнему капиталистическому Акакию Акакиевичу эти деньги совершенно ни к чему.

— Полагаешь?..
 — Уверен. А что ты делал в больнице? Извини за вопрос.
 — Ты прости, Игорек!.. — Славик вытащил из-за щеки знаменитый пресловутый квадратик, — не хотел, чтобы попал в чужие руки...

— Имеешь в виду — в руки государства?..
 — Ну да, они ведь, насколько я понимаю, не должны знать вашу технологию.

— Этот маячок — пустяки. Они через него все равно ничего не откроют. Железяка...

— Вполне понял.

— Ну, что дальше?

— Домой!

— Я так и думал.

Модуль приземлился в лесочке, в двух шагах от номерного городка.

— До свидания, что ли? — Игорь, скрестив руки на груди, как капитан Немо, вроде как бы свысока, но и с некоторой грустью кивнул Славiku.

Почти навернулись слезы на глаза. Точно — навернулись: все расплылось, смазалось. Ничего не видя, Славик пошел от него прочь и через десяток шагов упал навзничь. Слезы душили его, рыдания спазматически вырывались из груди, его колотило по моховым кочкам соснового бора, в глуши которого виднелся забор с "путанкой" — номерная зона.

Модуль давно исчез. Все. Он сел на кочку, прямо в кровавые капельки брусники, и дал наконец волю слезам. Плакал Славик долго и искренне. Жаль было всех: и дельфиниху Ирэн, и Влада, и татарина, и Саньку Саврилина, и неистовую в плотских утехах бакалавршу, к которой успел привыкнуть, жаль было Полину Семеновну, жаль, наконец, себя. Стыдиться было некого, и он плакал. Ему надо было выплакаться, чтобы, как в детстве, пришло облегчение... Удивительное дело: ворота в оборонный городок были растворены настезь. Дверь вахты подзаросла крапивой, никто, видимо, через нее не ходил, все шли через ворота. И на вахте никто не сидел. Прямо у ворот образовался стихийный рынок. Торговали и с машин, и с лотков. И чем только не торговали: от дубленок до апельсинов. И кто только не торговал: шустроглазые хохлушки и молдаванки, "лица кавказской национальности", цыгане, щелеглазые китайцы, а может, корейцы либо вьетнамцы. Кто бы их раньше допустил сюда, несколько месяцев назад, зимой, когда он сорвался отсюда. Ужаснулся и вместе с тем обрадовался Славик: что-то стронулось, изменилось в затхловатой, захлопнутой от мира жизни номерного городка. Уж плохо ли, хорошо ли это — не нам, как говорится, судить, но все-таки что-то наконец-то изменилось в этой, как выл и рычал Высоцкий, "державе, опухшей от сна" — это здорово. Разноязыкий базар у вахты гудел вовсю, только поэтому Славик и определил, что сегодня выходной, суббота или воскресенье. Значит, в институт не стоит торопиться, значит, Галина и Илюшка дома. Дверь

ему открыла Галка. Она ойкнула, прижала руку к губам и ушла куда-то в глубь комнаты. Живым комочком подкатил к ногам Илюшка и...

Тут бы могла последовать шолоховская концовка романа: "...это все, что осталось у него в жизни, что пока еще роднило его с землей...", но... Боюсь, что недосказанность в отношении других персонажей этой замысловатой истории оставит читателя в недоумении, он, по-солдатски выражаясь, "не кончит". А это, опять же виртуально выражаясь, не очень приятная штука, поверьте... Итак — далее... Легко отделался Славик: в институте просто не заметили пропажи этих ста — ста пятидесяти граммов платиновой проволоки, а провести какую-либо ревизию в хлам лаборатории было трудно. Да и некому было этим заниматься. А если бы и занялись, ничего бы не учли. Да и как могло быть иначе при всеобщем государственном раздразе, когда, например, тот же норильский никель, вольфрам и платину профукали каким-то иностранным проходимцам за копейки... При таких масштабах тотального грабежа кому могла потребоваться горстка технологических отходов, хотя бы и платиновых. Смешно даже говорить. Зря он волновался. Сложнее было объяснить астрономический трехмесячный прогул. Даже не совсем и прогул, а вообще отсутствие его, эмэнэса, как такового. Везде и всюду в городке. В отделе кадров института Славика посадили за стол, дали чистый листок и ручку, попросили написать объяснительную записку. Эта объяснительная записка могла бы составить целый роман, но... Славик, слава Богу, не был романистом. Расписать все, как есть, амурные и прочие похождения с Чайкой Адриатики на черноморских и амазонских берегах у младшего научного сотрудника, понятно, не хватило духу. А опиши он челночные рейсы на другую планету, Гагарина и его сыновей, ему сейчас же, выйти не успеешь, приложили бы руку ко лбу и вызвали бы карету. И опять — здравствуй, стольный град имени Кашенко или имени Сербского! Поэтому, напрягши творческую жилку, Славик разродился всего лишь парой строчек, которые, однако, по емкости и силе воздействия вполне бы могли претендовать еще на один роман: "Гостил у матери в Сибири. Ходил за брусникой и заблудился в тайге. Больной, валялся в таежном зимовье. Был спасен геологами и вывезен на вертолете в Новосибирск. Чунасоцкий". Вопреки ожиданиям, суровая таежная эпопея не произвела на сухаря-начальника отдела кадров ни малейшего впечатления. Он, даже глазом не моргнув, пробурчав что-то типа "ну теперь все в порядке", подколол объяснительную белиберду к другим бумагам. Чунасоцкого вернули в лабораторию, положили индексированную зарплату: 150 тысяч рублей. Прогулянные дни, естественно, не оплатили. Ну что ж, пока оставался солидный куш платиновых денег, полученных от московского академика, можно было существовать и на полтора года. Вкратце о других героях. Однажды в открытом для всех шпионов мира закрытом номерном городке появились полутораметровой высоты красочные афи-

ши, извещавшие, что к оборонщикам приезжает с сеансами знаменитая Чайка Адриатики. На афишах Верка была изображена на манер русских красавиц типа Надежды Бабкиной — закутанной в цветастую, в пышущих здоровьем розах шаль. Слава бежала в народе поперед самой бакалавриши, каждый день Галка приносила с работы сногшибательные толки о сеансерах, клянчила, чтобы Славик достал билеты. Наконец, не добившись от супруга ни пены, ни пузыря, побежала сама в ДК к знакомой добывать их и за бешеные деньги достала-таки два входных. С легкостью необыкновенной Славик уступил свой билет галкиной сослуживице — хрупкий мир, установившийся в семье, надо было бдительно охранять. Кто знает, пойдя он на сеанс, как бы могло нарушиться это самое равновесие, жидившееся даже не на граммах, а на аптекарских гранах. То есть, по сути дела, и не было этого равновесия, весы качались из стороны в сторону только так. Какой еще там фортель выкинет разлюбезная Веруня, столкнись, допустим, в антракте с ним? А посмотреть на "Веренку" очень хотелось. О втором персонаже. У всех на слуху было имя Григория Мыс-Гордеевского. В газетах и по телевидению упорно муссировалась мысль о связях Григория Харлампиевича с западными разведками и даже с НЛЮ. Сам Жиклер никак не мог объяснить толком журналистам свою двухдневную отлучку, исчезновение из поля зрения всех людей, включая самых близких, соратников и телохранителей. Повсеместно отмечалось, что после таинственного пропадания лидер партии "Демон" стал не тот, совсем не тот. Куда-то улетучилась его бойцовская дерзость, как промокашка в кислоте, растворилась без следа знаменитая ястребиная сущность. Он непоправимо, на глазах, становился голубем. Гаеры-газетчики нагло договаривались даже до того, что почли причиной двухдневной пропажи лидера целой партии неумение его жены вести себя в постели. Конечно, на всякий поганый роток не накинешь платок, но шуму было. Наконец нарыв, будоражащий общественное мнение страны, лопнул. В одно из утр, собираясь на работу, допивая из чашки чай, Чунасоцкий услышал по радио, что Григорий Мыс-Гордеевский сложил с себя полномочия лидера партии. Сам Жиклер объяснял свой уход с политической арены личными мотивами. Он, мол, целиком намерен отдаться служению Богу, для чего, не откладывая, едет в Зосимо-Савватиеву пустынь под Александров, где несет воинскую службу при монастыре верующая молодежь, будущие пастыри. Мыс-Гордеевский чаёт в мыслях сделаться командиром этого единственного в стране верующего подразделения, дабы таким образом влиять на предстоящих служителей культа. И тем самым направлять их мысли в нужном направлении — к Богу.

Немало умилился при этом сообщении Славик Чунасоцкий: "Таковыми устами да мед бы пить". Но торжествовать было рано — "ты ловишь маленькую рыбку, а к тебе подбирается большой-большой крокодил".

— Общественность сейчас волнует, — звучало по утреннему радио, — не мистическая эскапада бывшего лидера, но личность лидера

восходящего. Кто возглавит после Мыс-Гордеевского партию "шутовского фашизма", не сулящую нашей стране ничего хорошего? Вот вопрос вопросов. Активно претендует на эту роль заместитель Мыса, так называемый министр обороны теневого правительства некий экс-майор Вольдемар Сердюк, разжалованный недавно до капитана и уволенный из Вооруженных Сил за утрату табельного оружия. Непонятным образом вышеупомянутый Сердюк нашел утраченный пистолет — согласитесь, грань фантастики, и теперь добивается восстановления себя в рядах ВС страны. Что несет выдвижение этого человека? Или страна опять на заклании у личности?.. Доколе... На полужаргоне Славик выключил репродуктор. Что может принести вышеупомянутый человек, он отчасти знал... Угроза над человечеством не исчезала, не отодвинулась ни в какую сторону. Дело было не в Вольдемаре, не в Григории и не в Славике. Дело было в силах, которые необъяснимы для живущих на Земле.

ИГОРЬ ГРИГОРЬЕВ

(1923—1996)

Псков-Петербург

Была бесприютна погода —
Покров мокроснежил и дрог.
Так случилось уж: трудных три года
Я тут не ступал на порог.

Печального образа рыцарь
Каких только чуд не чудил.
В погоне за стервой жар-птицей
Ни песен, ни крыл не щадил.

По разным чужбинам шатался —
Скобарь, шантрапе ль побратим?
Измучился, Родине сдался.
И, пленный навек, победил.

Пред этим обиженным домом
Я плачу. Я снова рождён.
И пахнет знакомым-знакомым:
Позёмом да вешним дождём.

Дорогие лесные пустыни,
Серой ольхи плакучий разбой.
Здравствуй, робкая былка полыни!
Мне нисколько не робко с тобой.

Неказиста трава, неприглядна,
Худосочна — и что там еще?
Мне надежно с тобой и отрадно
Опереться на дружбе плечо.

Ни обиды на сердце, ни боли.
Тихий свет — от земли до небес...
Как давно мы не виделись, Поле,
Не аукались, Песельник-Лес!

Ты дубы на полянах огромнишь,
Рвешься к зорям, орел крутокрыл.
Ты меня поневоле не помнишь,
Я по воле тебя не забыл.

Будет всякое, всякое будет
В наших судьбах, таких горевых
Нас прогонят, обманут, осудят,
Нас отвергнут от зорь заревых;

Нас еще позабудут, забросят,
Опалят беспощадным огнем
И железной секирою скосят...
Только мы все равно не умрем.

Хоть чего натвори-понаделай,
Присудив доконать на корню, —
Наши корни в земле порыжелой
Не унять топором и огню.

Так давно мы не виделись, Поле,
Не аукались, Песельник-Лес!
Ни обиды на сердце, ни боли,
Тихий свет — от земли до небес.

Жаборы как жабры без воды —
Жаборы, где Русь меня крестила!
Ямы, рвы — нашествия следы.
Мать-земля, чего ты нам простила?

В речке Узе — сладости полей —
От сухмень-печали недороды:
Ни прозрачных струй, ни головлей.
В чьи моря сбегали наши воды?

Скручен стрежень. С донышка песок
Нагишом: тростиночки не светит.
Источил плотину чей брусок?
Резвы рыбы в чьи попали сети?

Памяти усопшие места.
Детям деловым не до погоста.
Бедная церковка. Два креста.
Неужель на свете всё так просто?

Здесь мой дед и бабка — кровь-
родня,
А не здесь, так — там: твоя и наша,
Скорбно дожидаются меня.
Иль кого сия минует чаша?..

Не людская — тустороння тишь.
И не знамо, хорошо ли, худо,
Что грехи нам прощены... покуда.
Ну а завтра? Вдруг да не простишь?

**ИЗ СТАТЬИ
НАТАЛЬИ СОВЕТНОЙ О ПОЭТЕ
ИГОРЕ ГРИГОРЬЕВЕ**

Имя этого замечательного русского поэта и легендарного человека, к сожалению, недостаточно известно за пределами России, в Беларуси, да и на родине тоже, хотя литературные критики сравнивали Григорьева с Николаем Рубцовым и Сергеем Есениным, а лучшие произведения называли «жемчужинами русской поэзии». О его творчестве писали Владислав Шошин, Вера Панова, Станислав Золотцев, Аркадий Эльяшевич, Вячеслав Кузнецов. Виктор Астафьев называл Григорьева «чистоголосым поэтом», а Алексей Полищкарков посвятил ему поэму «Слово о капитане Игоре»

СВЕТЛАНА ЛЕОНТЬЕВА

(г. Нижний Новгород)

Когда оторвутся деревья от грешной земли
и ринутся ввысь, что в лучах вся и звёздной пыли,
ветвями сплетаясь и листьями там, где гнездо
лесной канарейки, напев чей багряно-медов.

Не все устремятся, не все запоют в высоте,
а те, что сажала и что поливала я, те,
чьи корни я кутала ржавой, промозглой листвою,
и, в шаль завернувшись, сухой созерцала покой.
Теперь эта стая деревьев, чьи кроны густы,
взметнулась на небо, в пределы иной пустоты.
О, как им хотелось давно, как хотелось вот так
пернатыми сфинксами неба разверстывать мрак!
Их очи полны несказанно счастливейших слёз,
о, как они дышат по-детски, бездумно, всерьёз...
И всё, кем была я, кому я дарила себя,
когда распинала меня в поднебесье судьба,
всё это — дыханье,
всё это — их бешенный пульс.
Они — за горами, они восклицают: «И пусть!»
А нынче иная, во всё поднебесье тоска,
земля золотая, учись отрывать, отпускать!
Где крыльями стая во весь пересказанный лес,
как рана сквозная, рвёт вдребезги плотность небес,
и всё то, что было, лишь этот вот росчерк и плеск,
ему я служила, несла золочёный свой крест!
О, полно вгрызаться корнями, корой, чешуёй,
очами врезаться во взгляды, что острой иглой,
прошиты сердца, и во весь смоляной кровоток
по венам — земля, по артам небесных дорог!

У Поволжской равнины своё назначение есть,
как у всех, кто велик, тот, кто щедр, солнцелик, кто бездонен!
И не сломит её никакая болезнь или спесь,
если каждый домишко звучанье хранит колоколен.

Как широк каждый звук, как объёмен, сквозь небо, простор!
Поторопится вдруг, то придержат, конечно, под крыльях
то речушка, то мост, то прадедовский луг-косогог
высотой частот и органною силой ковыльной.

О, равнина моя! Запах яблок и воска свечей!
А ещё, что ключицы, деревья во тьме выпирают...
У Оки берега цвета красных, что кровь, кирпичей —
это память сражений на Волге, на Пьяне с Мамаем.

Это вечная песнь всех эпох, тектонических плит!
У столетних дубов корни так велики, а шиповник
раздирает ладонь. И всё детство моё здесь бежит
в неуёмных кроссовках, и землю никак не уронит.

Здесь училась прощать. Все обиды, что камни, на дно —
разноцветные, в иле и глине, на воду бросая,
вот и я пристрастилась плести кружева и рядом
и, расставив ладони, стоять у обрыва, у края.

Ты всех глубже глубин, ты всех выше высот, не тая
ни единых секретов — ни в солнечный день и не в сырость.
Видно, здорово бабки молились мои за меня,
точно также, как я за детей за своих помолилась!

Руки впаялись в объятья, словно в кириллицу ять!
Не разжать! Не разорвать!
Разве только вместе с руками
моими тебя от меня оторвать.
Руки мои — искрят проводами
в тысячи вольт и ватт!
А я заряжена солью-слезами, русскими сказами, лесом, полями,
ты мне — мой Авель! Мой брат!
Как отпустить тебя встретиться с Каином:
с Нерусем-воином, что за чертой?
За виноградною, красной окраиной
в разэсэсэриной родине? Стой!
По ноги, под руки кинусь! Буланому
в сбруе серебряной я нашепчу,
чтобы хозяин был с ляхами, паннами
поосторожней! Что меря и чудь —
финно-угорская дюже презлющая!
В мире смешалось всё. Ось сорвалась.
Спицы нам в рёбра натыканы пущами.
Видно, столетьями плавили злость.
Я — на дорогу, на рельсы, на взлётные
полосы тело кидаю своё — удержать!
Кабы могла, то разбила твой сотовый.
Коли не брат — так упала б в кровать!
Нерусь треклятая, жадная, зычная,
(Нерусь бывает и русскоязычная!)

купленная за подачки, борзых,
дачи в Майями, за евро-монеты.
Русь — это больше! Не просто язык!
Русь — это космос и солнца рассветы!
О, как мне нынче ужасно и больно.
Слово, что кость, давит певчее горло.
Словно нутро моё сплющено, смято.
Боже, не дай вам отъять, как я брата,
зная, что камень у Каина, смерчи,
грады, ракеты, штыки и снаряды,
я не могу, чтобы «аривидерчи»,
«чао-какао»...
Пускай искалечен.
Но возвращайся обратно!

Маленький мой, миленький, отмолю
я у всех невзгод тебя и глубин океанских
под подушку недаром в колыбельку твою
я иконку клала по-христиански!
По-Юлиански все календари!
По-старославянски все древние тексты.
Ещё когда ты был у меня внутри
и слушал ритмы моего сердца.
А теперь! Это же надо ты вымахал как!
Школа, институт, работа и армия!
А нынче в мире пиры вытанцовывает сквозняк
на все свои, сколько есть, полушария.
Девушка — белые волосы из льна
та, что вчера тебя бросила.
Как же она могла? Как же могла она?
Так поступить, стоекосовая?
Ты, словно Ивашка, у ног её льды,
ровно укладывал кубик к кубику!
И ты пылинки сдувал, целовал следы,
ты разрисовывал маковки бублику!
Это из сцены: что нас не убьёт,
то искорёжит до деформации.
Другая придёт — сахар, нектар, мёд,
жаркий песчаник кварцевый!
Баррель поднимем. Выплетем предузорье в кистях.
Алые паруса сошьём из бархатистого ситца!

Мама они такие — не унывают, не льстят
 и не стареют, пока их белокожи лица.
 Но если что-то, то враз
 волосы в белой позёмке...
 Шрамы вся жизнь, ты пойми, — не экстаз!
 Эрос, Сизиф и головоломки...
 Мир — на крови. Пенье, звон гильотин!
 Скрипку нещадный Нерон прижимает к предплечью.
 Женщин безумство, продажность, наркотики, сплин
 душу калечат.
 Если пожарищ несу я тебе города, имена,
 всех от века начального войн в генетических кодах!
 Ничего я исправить, хоть надо бы, но не вольна,
 боль за державу, страдания, дерево рода!
 Смелый мой мальчик, тебе я вручаю сей меч,
 луки да стрелы, что прадед сковал богатырский!
 Как мне хотелось тебя от беды уберечь.
 С первой бедой
 ты — сразился!

АЛЕКСАНДР ПОПОВСКИЙ

(г. Арзамас)

Я видел солдат, обожжённых войной,
 менявших медали на водку,
 я видел поэта с седой бородой,
 влюблённого нынче в красотку.
 И в Азии древней узнал я закон,
 что строгим Кораном завещан:
 гуляй средь мужчин, но завесу не тронь,
 ведущую в комнату женщин.
 Я видел, как падает с неба звезда —
 мечта молодых поколений!
 И вижу себя у распятия Христа,
 припавшим пред Ним на колени...

Мой милый друг! Прислушайся к стихам:
 необъяснима тайна вдохновенья!
 Взгляни на мир — он дивный храм,
 поэзия его лишь отраженье.
 Здесь каждый миг событиями богат,
 здесь жизнь тебя неисчислимо множит.
 Царит во всём
 Божественный уклад:
 и выразить его лишь муза сможет.
 Так приближаясь к вечным небесам
 певец любви и дружбы ради,
 свой скромный труд оставит землякам,
 не помышляя о награде...

Ещё вчера шумела стая залётных птиц,
 ещё звенел, с дождём играя, багряный лист.
 А нынче в ночь завыл жестокий, метельный бес,
 и плачут ивы у протоки, и стонет лес.
 И надрывает ум и душу разбойный свист.
 С ветвей летит в ночную стужу последний лист.
 А ты поёшь... Ах, друг мой, тише! Замри, не пой!
 Кто звонкий голос твой услышит сквозь визг и вой?
 Но нам назначено от Бога свечой гореть!
 И у родимого порога нам петь и петь...

ЗОЛОТОЕ ИМЯ

Просиял над грустными полями
 Золотистый, солнечный рассвет.
 Это осень тёплыми лучами
 Шлёт земле улыбчивый привет.
 Осень, осень — золотое имя!
 Лето бабье — призрачный уют.
 Дивный лик небесная святыня,
 и глаза, которые не лгут.
 Рядом с ней и радостно, и грустно...
 Облаками годы вдаль бегут.
 Но в душе не угасает чувство:
 Что любовью искренней зовут!

ФАИНА ЦВЕРОВА

(г. Н.Новгород)

КОНЕВСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Церквушка купола ввысь устремила!
(Деревню можно называть селом!)
Земная притягательная сила
Заложена под золотым крестом.
Пусть церковь на лужайке небольшая...
Из дерева построена она,
Но колокольный звон оповещает
Насколько жителям она важна!
В честь Невского святого Александра
Её ещё до срока нарекли.
Не надо никакого транспаранта
Охотно чтобы к службе люди шли.
И вот она стоит между домами,
Как будто вечность простояла здесь,
Сияя золотыми куполами
И подтверждая, что в нас вера есть!

Всё чаще по утрам стоят туманы,
Скрывая контуры деревьев и домов,
Росой обильной политы поляны,
Полным-полны корзины грибников.
Последним урожаем лес снабжает:
Волнушки, грузди, стайки дружные опят.
И грустным листопадом всех встречает,
Всем золото листвы раздать он рад.

РОКСОЛАНА

Утешение султана
чаровница Роксолана.
Златовласая славянка,

молодая полонянка
мудрая не по годам.
...Приняла она ислам,
к знаниям имея тягу,
получила их во благо
хитростью своей природной.
Стала девою свободной
по законам сей страны,
где права свобод важны,
чтобы ею насладиться,
должен был султан жениться,
красотой жены пленённый
дал ей власть среди подчинённых...
И до самой смерти он
знать не знал всех жён!

ЖАННА ПЕСТОВА

(г. Кстово)

НОЧЬ В БИБЛИОТЕКЕ

Ах, как хотелось ей хлопнуть дверью! С силой! Так, чтобы задрожали стены, посыпалась штукатурка, зазвенели стекла! Чтобы все узнали, чтобы мать поняла, как ей сейчас плохо! Но — нет. Регинка тихо-тихо, почти неслышно прикрыла за собой дверь... затаив дыхание, осторожно ступая по ступенькам, вышла из подъезда. И быстро, словно идет по срочному важному делу, пошла по расчищенным, протоптанным в сугробах лабиринтам. Никакого важного дела у нее не было. Точнее, дело-то было, но делать его было нужно дома — писать реферат. А блуждать морозной ночью по поселку у нее не было необходимости, да и желания тоже. Но пришлось. «И угораздило же мать именно сегодня привезти этого фальшивого попки! Не могли хотя бы до завтра подождать... Я бы хоть реферат успела написать... Нет, не терпится им... И что она вообще нашла в нем? Сморчок благодный! Соплей же перешибешь! Ну, не соплей, все равно...». Регинка с отвращением передернулась при мыслях о Бориславе Сергеевиче. Мать как-то спросила, за что Регинка его так не любит. За что? Будто сама не знает... Регинка не то, чтобы не любила его, нет — он вызывал у нее чувство омерзения. В его присутствии ей всегда

было неуютно. Хотелось пойти в душ, отмыть, отодрать от себя мочалкой с мылом его липкий взгляд. Это была неприязнь с первого взгляда. Борислав Сергеевич сразу не понравился Регинке, не понравился больше всех остальных так называемых деловых партнеров матери. Невысокий, какой-то поникший мужичок с окладистой бородкой, похожий на сельского попа, даже не попа, а именно попа. Он и разговаривать любил на разные, как ему казалось, нравственные темы, с порога поздравлял с религиозными праздниками или объявлял, что сегодня постный день. Пить водку под жареную свининку и лапать мать ему это, правда, не мешало. Тут он всегда заговаривал о греховности человека и о его слабости. Никаким священником он, конечно, не был. Так, что-то вроде управляющего одного из придорожных кафе, закупавший у матери мясо. Вот она его и прикармливала как выгодного клиента. Регинка не считала себя особо верующей, да и не особо тоже. Церковь существовала где-то отдельно от ее жизни. К священникам относилась без трепета, но с уважением. И все же Борислава Сергеевича для себя называла не иначе как фальшивым попиком. Целую неделю о нем не было даже слышно. Семь дней относительно спокойной жизни. Регинка радовалась, надеясь, что он больше вообще не появится в их доме. И вот — пожалуйста! — заявился. Именно сегодня. А послезавтра ей надо сдавать реферат. Регинка поскользнулась и упала — шла, не глядя под ноги. А зачем глядеть, когда все дорожки-тропки уже много раз исхожены? Больно стукнулась коленкой об лед. Кто-то налил воды на тропку, ведущую к детской площадке. «Наверное, ребятишки, когда горку делали» — мысли ненадолго переключились, сошли со своей проторенной дорожки. В детстве Регинка обожала кататься с горки... все равно с какой... но лучше — с большой... Едешь, как летишь! Морозный ветер выбивает слезы из глаз, реснички смерзаются. Дух захватывает! Восторг и визг до хрипоты. Как они летали с друзьями-подругами по длинным склонам холмов и оврагов... Летали на мешках с соломой... было весело... домой приходили снеговики... Снег был везде — и на пальто, и на варежках, и на валенках, и в валенках... Тогда он почему-то не казался таким холодно-колючим, как сейчас. Мать неизменно причитала, снимая с Регинки снежную мокрую одежду: «Ой, да что ж это такое? У всех дети как дети... а у нас не дочь, а сорванец... Простудишься... заболеешь...». Отец только смеялся, растирал Регинку одеколоном или водкой, заворачивал в одеяло и на руках относил в кровать... И сидящую в кровати, завернутую как в кокон в одеяло, поил горячим молоком с медом...

В детстве... Как давно это было. В другой жизни. Совсем другой. Это было тогда, когда в их доме еще жила любовь, когда у них была семья, а не просто родственники, живущие в одном доме, в одной квартире. Регинке вдруг почувствовала усталость, ей захотелось сесть на ступеньки горки, передохнуть, поплакать... Но — нельзя. Это она понимала.

Сесть — замерзнуть... вставать не захочется... А утром найдут ее окоченевший и заиндевевший труп... «А может и к лучшему бы — все проблемы разом... — подумалось вяло, — нет, нет, надо идти... такой радости я им не доставлю». Постояла, передохнула, еще раз растерла ушибленную коленку и побрела дальше привычным маршрутом наматывать круги по поселку под свои невеселые мысли. Мысли тоже ходили привычным, словно заведенным, кругом — Регинка снова и снова то злилась на мать и фальшивого попа, то жалела себя, то вспоминала, как хорошо они жили раньше...

Еще каких-то лет пять назад у них была хорошая дружная семья. Так по крайней мере казалось Регинке. Родители всегда были вместе, даже отдыхать ездили только всей семьей. Она никогда не слышала, чтобы родители ссорились. Может, они и ссорились, только Регинка не знала, не замечала. А уж, чтобы убежать среди ночи от пьяного разбушевавшегося отца, как убежала Маринка, ее одноклассница... или жить в вечном страхе перед родительским наказанием за... да за любую провинность. Вальку вон из соседнего подъезда родители секли по каждому поводу, а то и без повода, да еще и рассказывали — сами же родители — об этом всему поселку. В подробностях рассказывали, как секли, что Валька кричала, как извивалась, закусив губу. Валька потом дня три из дома выходить не решалась. Не синяков стыдилась, взглядов косых и надменно-сочувствующих. Взрослая уж была, школу заканчивала, а ее все равно отец сек, и на дискотеку пару раз с ремнем приходил, ремнем же и гнал Вальку домой. Регинка не видела сама — малая еще была, да и потом, в старших классах, на дискотеки не ходила, но помнила, что поселок аж гудел тогда от разговоров, на каждой лавочке обсуждали.

Регинка, вот глупая, поглядывала на соседок и одноклассниц со снисходительным сочувствием, думая, что уж с ней-то никогда ничего подобного не случится. Да и что она тогда могла понять из своего безмятежного детства. А сейчас вот сама бежит по ночам из дома. И убегает не от пьяного отца — от ухажеров матери.

Тогда многие ей завидовали, не то, что сейчас. Хотя сейчас тоже завидуют, только по-другому.

Отец работал в агрофирме, мать — в ателье, она была хорошей портнихой, очень хорошей. Наряды и себе и Регинке шила сама по выкройкам из модных журналов или просто увидит в магазине, повертит, покрутит, примерит костюм или платье — и сошьет сама такое же, или почти такое же. Тогда она была самой стильной женщиной в поселке. И самой красивой! Невысокая, стройная, с точеной фигуркой — отец говорил — филигранной, похожая на фигуристку. В семейном альбоме хранилась фотография какой-то, сейчас и не вспомнить, фигуристки, и материна из юности — очень похожи. Регинка любила показывать их подружкам и радовалась, когда те удивленно спрашивали: «А кто из них тетя Окса-

на?»). Потом непонятно почему агрофирма обанкротилась, вдруг — разом! Ее перекупили какие-то «москвичи». Ателье закрыли. Мать стала шить на дому всем, не желавшим одеваться в рыночный китайский ширпотреб. Заказов было немного, но другой работы в поселке все равно не было. И мать стала даже перешивать одежду, хотя раньше от таких заказов всегда отказывалась. Потом и отцу пришлось уволиться — зарплату новые хозяева платили нерегулярно. В городе смог устроиться только охранником. «Классного электрика повысили до сторожей» — горько шутил он. Регинке с матерью нелегко было привыкнуть к тому, что по трое суток отца не было дома. Мать возмущалась, кричала, что это не порядок, нарушение трудового законодательства, но — другой работы не было. Пришлось смириться. Вся жизнь у них тогда изменилась. У родителей начались ссоры из-за денег, точнее из-за того, на что потратить — на жизнь «как раньше» уже не хватало. Если раньше они, случалось, отказывали себе в каких-то мелочах, потому что копили, то теперь — сэкономили, и не только на мелочах.

Как-то приятельница матери позвала ту поработать на рынке продавцом. Мать поначалу возмутилась: «Чтобы я стала торговкой? Да я лучше полы мыть пойду или улицы мести!». Но через месяц уже встала за прилавок. В доме снова начали появляться разные вкусности и обновки. Правда, прежняя спокойная жизнь совсем пропала. Мать на работу уезжала рано, приезжала поздно — уставшая, раздраженная. Срывалась на Регинку, чаще на отца, если тот был дома. Регинке даже стало казаться, что спокойно говорить мать уже не может. Она все время кричит, словно требует и требует чего-то... Даже внешне изменилась — не то, чтобы пополнила, а как-то увеличилась, ее стало много, особенно руки, руки стали большими, тяжелыми. Мать как-то в шутку посчитала, сколько килограмм за день ворочает — получалось, что несколько сот. Вот мышцы и накачались. От стильной женщины не осталось и следа. Теперь она сама одевалась в китайский ширпотреб, над которым еще недавно посмеивалась, а дома излюбленной одеждой стал неизвестно откуда взявшийся потрепанный бесформенный халат или такая же пижама. На все увещевания отца, раздраженно отмахивалась: «Могу я хотя бы дома расслабиться?». Дальше разговор если и продолжался, то постепенно переходил в очередной скандал, мать неизменно срывалась на крик: «Не нравится моя работа? Мне уйти с рынка? А жить мы на что будем? На твои копейки?» Сыпались обвинения в адрес отца, что он не может обеспечить семью. Обвинения жестокие и несправедливые. Регинка закрывалась в своей комнате и закрывала уши подушкой. Она понимала, что ее вмешательство, ее заступничество за отца только усилит скандал. И она молчала. Регинка хорошо помнила тот день, когда отец объявил им, что уходит, что будет жить в городе, что полюбил другую женщину. Был серый, какой-то слепой день. Регинке даже показалось, что это все не наяву, что это сон

такой, мутный и неприятный. Но — нет. Отец ушел. С тех пор она его почти не видела. Почти не видела — странно звучит, но иначе и не скажешь. У отца началась новая жизнь — в ней теперь все было новое: и дом, и жена, и дочка, и работа по специальности в фирме жены. А Регинка ему стала не нужна, она была частью той, прошлой жизни. Однажды они чуть не столкнулись в новом, сияющем полами и витринами торговом центре. Регинка зашла просто посмотреть, из любопытства — мать предпочитала покупать что-либо на рынке, а своих денег у Регинки тогда еще не было. Утомившись от блуждания по многочисленным закуточкам-магазинам, она уже искала выход и тут увидела отца. Обрадовалась, рванулась было к нему, но наткнулась на такой взгляд, что остолбенела, чувствуя, как превращается в ледяную неповоротливую глыбу. Отец взглядом дал понять, что не узнаёт ее, что не узнает, даже если она окликнет его, что лучше ей даже не пытаться подойти к нему. Он был со своей новой женой. Они прошли мимо, увешанные пакетами и коробками с покупками, улыбающиеся, довольные и собой, и своей жизнью. Отец даже не оглянулся. А Регинка долго смотрела им вслед. Они уже ушли, а она все стояла и смотрела, пока к ней не подошел охранник. Он что-то говорил, о чем-то спрашивал, Регинка не разобрала, ей было все равно. Больше она отца не видела. Безо всяких почти. И даже не хотела. Решила — если она ему не нужна — зачем он ей? У них с матерью с уходом отца тоже началась новая жизнь. Тоже сытая и благополучная. Почти. Где-то через год, видимо, окончательно осознав, что отец не вернется, мать начала привозить из города мужиков, деловых партнеров, как она их называла. Регинка сгорала от стыда перед соседями, перед одноклассниками, но, понимая, что для матери ее мнение значения не имеет, давила в себе раздражение, уходила в свою комнату, надевала наушники и читала, читала...

Книг про современную жизнь она не любила, ей больше нравились другие, те, в которых мужчины были неизменно благородны и галантны, где зло непременно было повержено, а добродетель торжествовала. Она любила исторические, как ей казалось, романы, а что от настоящей истории, от подлинных событий там оставался только маленький след, для нее было не так уж важно. Она влюбилась в старые времена, манеры...

Так они мирно просуществовали с матерью в параллельных мирах еще почти год. Регинка уже заканчивала школу, мечтала уехать в город учиться. Уехать из этой, опостылевшей жизни в другую, новую, которая непременно должна быть лучше старой. С единственной подругой Полиной они мечтали поступить в один институт, вместе учиться и вместе жить в общежитии. Строили планы на жизнь в городе, как будут они ходить по театрам и музеям, обязательно хотя бы раз в месяц. О многом они мечтали тогда, много чего себе напридумывали. И все могло бы получиться, пусть не все, но многое... Мать отмечала свой день рождения пышно и шумно, бравирова своим отношением к предрассудкам: сорок лет

не отмечают? — глупости! От шума застолья наушники не спасали, слова в книге не желали превращаться в предложения, рассыпались, существовали сами по себе. В разгар веселья мать вошла в ее комнату:

— Регина, доча, — приторно запела она, — ну что ты здесь сидишь одна, как неродная, пойдём к гостям.

— Зачем? Я не хочу, мам.

— Пойдем, хоть на минуточку, ну я тебя прошу.

— Оксана, где ты там? Мы тебя ждем... — слышались нетерпеливые пьяные голоса.

Пришлось подчиниться, чтобы не привлечь излишнего внимания. Мать вывела ее на середину комнаты.

— Вот полюбуйте, какую дочку я вырастила. Она — мое главное достижение в жизни. Умница, красавица. На золотую медаль идет! С ее мозгами и моими деньгами мы из нее такого экономиста сделаем! В банке будет работать! А что...

Она не успела договорить.

— Я не хочу быть экономистом. Я на истфак буду поступать. Экономика не мое — тихо, но твердо произнесла Регинка.

— Что ты сказала? — мать старалась сохранить улыбку, превращающуюся в какой-то злобный оскал. — Не хочешь?

— Не хочу. — Твердо повторила Регинка.

— А кто тебя спрашивает, чего ты хочешь? Как я сказала, так и будет!

— Нет. Я буду историком. — Обычно тихая Регинка не отступала, сама не понимая, что с ней происходит.

Она с вызовом подняла глаза на мать. Притихшие гости с любопытством смотрели на них, Регинке даже показалось, что они сейчас закричат: агу ее! Или начнут делать ставки, кто победит. Она сжалась, но взгляда не отвела. И тогда мать ее ударила. Впервые в жизни. Даже в детстве никогда не шлепала. А тут ударила. По лицу. При людях. Регинка бросилась в свою комнату, разрыдалась. Начавшийся было галдеж за ее спиной, вернулся в прерванное веселье. Гости быстро успокоили мать, и успокоились сами.

А Регинка рыдала, уткнувшись в подушку в своей комнате. Кто-то тихонько тронул ее за пятку. Она вздрогнула, подняла голову. Борислав Сергеевич пришел утешить. Его масляные глазки, слащавый голос, которым он что-то говорил, Регинка не могла разобрать что — она боролась с приступами тошноты и странного какого-то оцепенения, не могла даже шевельнуться, не то, чтобы выйти из комнаты... Когда же он потянулся к ней своими потными чуть дрожащими руками, которыми — так отчетливо ей представилось — несколько минут назад лапал мать, вот так же слащаво улыбаясь, Регинка закричала от отвращения. Мать, прибежавшая на крик, даже не выяснив в чём дело, не попытавшись понять, отчитала дочь: нельзя так себя вести при гостях.

В тот вечер Регинка как-то отчетливо поняла, что она осталась одна, никому не нужна — ни отцу, ни матери. С тех пор она стала уходить из дома во время материнских застолий. Ускользала потихоньку, пока гости бурно отмечали какое-нибудь свое очередное событие. Гуляла за домами, прячась ото всех, не хотелось никому объяснять, почему она вдруг так полюбила ночные прогулки. Да и сплетен наживать не хотелось. Возвращалась домой только тогда, когда гости, утомившись, ложились спать, благо квартира на первом этаже, и в окна все хорошо видно. Тихонько пробиралась в свою комнату, надеясь, что мать не заметила ее очередного отсутствия. Но однажды мать все-таки заметила. Как она кричала тогда на Регинку! «И где ты шляешься по ночам?! Кавалера себе завела?! Тихоней все прикидывалась! Смотри — принесешь в подоле — на меня не рассчитывай! Мало того, что сама пока еще на моей шее сидишь... Выродка твоего я содержать не собираюсь!»

Регинка молчала. Она напряженно следила за руками матери. Та перехватила ее взгляд и осеклась. Резко развернулась и пошла в свою комнату, бурча на ходу: «Живи, как знаешь, только и с меня ничего тогда не спрашивай». Регинка ничего и не спрашивала, и не пыталась ничего объяснить. Уверена была, что мать не станет ее слушать, что все ее доводы и мнения матери не нужны. А если бы та просто спросила, вот так просто взяла и спросила: «Дочь, что с тобой происходит?». На это Регинка и не надеялась. Она давно уже мечтала только об одном — уехать. Казалось бы — чего проще — сесть в автобус, взять билет... и уехать. Но автобус ведь остановится, и надо будет выходить, и идти. А куда? На этот вопрос ответа у Регинки пока не было. Сироты при живых родителях. Так говорят про тех, кто живет в детских домах. А если живешь вроде бы в семье, но семьи-то и нет. Ты — одна. Никому нет до тебя дела. Тогда как?

Регинка поежилась. Мороз начал пробираться под пуховик. Посмотрела на часы — второй час. Полтора часа уже ходит. Дома погрузились в сон, в темноту. Лишь кое-где приглушенный свет в окнах — напоминает об уюте.

Дома сейчас тепло. Это на улице холодно. Пакет с книгами и тетрадями становится все тяжелее. Пальцы уже не гнутся и менять руки становится все труднее. «Больше не могу» — заплетающимися ногами неуклюже почти побежала она к зданию библиотеки. Непослушными же заочевшими руками едва вставила ключ в замок, подтолкнув дверь бедром, отперла. Огляделась опасливо, вошла внутрь. Изнутри замок запирался без ключа. Облегченно выдохнув, девушка повернула его вертушок. Прислонилась спиной к двери, зажмурилась — ей казалось так легче глазам привыкнуть к темноте после яркого света фонаря над дверью. Досчитала до ста. Мрак не рассеялся. Глаза не научились видеть в темноте. Пошла по памяти, полагая, что знает здесь каждый уголок, каждый стул,

стоящий на пути. Да и углов-то особенно не было — длинный узкий коридор — из него двери налево и направо. Шла осторожно, стараясь ничего не задевать, и, конечно, задевая. Вешалка-стойка упала с грохотом, оглушительным в ночной тишине. Огнетушитель покачнулся, но устоял — синяк и на этой коленке гарантирован — отметила отстранено. Хотелось вытянуть руку, идти, касаясь стены, чтобы понять, где дверь в кладовочку, но побоялась задеть и уронить стенды, развешанные по стенам. Дошла до конца коридора, уперлась в стену, развернулась, сделала три шага назад, повернула налево, толкнула дверь, плотно закрыв ее за собой. Нащупала на стене выключатель — теперь можно включить свет, в кладовочке нет окон. Значит, можно надеяться, что никто не узнает о ее ночном визите. Она очень этого боялась. Боялась, что Анна Рудольфовна рассердится и выгонит с работы. И что тогда делать? Регинка поборола желание сесть на стул сразу, не раздеваясь — передохнуть, понимая, что потом, отогревшись и разомлев, это сделать будет труднее, гораздо труднее. Едва разжала пальцы, державшие ручки пакета, почувствовала в них немоту. Стало нестерпимо жаль себя. Она была одна. Но ощутив это одиночество, Регинка ощутила и странное спокойствие, которое несло оно с собой. Здесь ее никто не видел и не слышал. Можно было не опасаться, что кто-то войдет, кто-то услышит ее через тонкую стенку панельного дома... И никто, даже любопытные соседки, не напомним потом о мнимом одиночестве. «Ну, почему, почему у меня все не так... почему мне так не везет... за что они так со мной» — причитала она, сначала потихоньку всхлипывая, потом, осмелев, рыдала уже в полный голос, рыдала, не вытирая слезы — пусть текут свободно, их все равно никто не увидит, и никто о них не узнает.

Выплакав, выкричав все свои обиды, Регинка немного успокоилась. Навалилась какая-то беспомощная, равнодушная усталость. «Ну и пусть, я им не нужна. Пусть. И они мне тоже тогда не нужны. Никто не нужен. Не буду об этом думать... хватит... мне надо реферат писать. Это сейчас важнее». Она разложила на столе принесенные с собой книги, тетради. Посмотрела на них равнодушным взглядом. Хотелось спать, а надо было читать, писать... Времени на «потом» уже не осталось. И так протянула, не зная как подступиться.

Материала нашла много, а вот что отобрать, что отсеять, с чего начать, как построить текст — не могла придумать. Работу надо было написать не просто хорошо, а очень хорошо, она должна быть отмечена. Поняв, что ошиблась, поступив на заочное, Регинка решила, что обязательно будет участвовать во всех конкурсах, семинарах, конференциях, обязательно будет хорошо учиться. Может, удастся тогда перевестись на очное. Упорно шла к своей цели — сессию сдала на отлично. «Права была Полинка, ой, права — надо было сразу на очку поступать. А я побоялась, дура.

Жила бы сейчас вместе с ней в общежитии, а не пряталась по ночам от материных ухахажеров в кустах... не шаталась бы по морозу... да и работу в городе найти легче. Нашла же Полинка. Здесь ее нет вообще. Хорошо хоть Анна Рудольфовна взяла к себе на полставки... Работа в библиотеке... книги всегда под рукой... да и режим удобный — полдня работать, полдня отдыхать — на учебу времени достаточно. Только и зарплату тоже пополам делят, получается — меньше стипендии. Ничего продержусь, к матери просить не пойду все равно. Не буду жить по ее указке. Это моя жизнь» — Регинка потеряла виски руками. Ей очень хотелось спать, мысли кружились и путались. Но спать нельзя. Надо работать. Спать можно было и дома, теперь уже, наверное, можно бы было, мать с попиком должны бы уже уgomониться.

Однако читать не получалось, строчки расплывались. «Так дело не пойдет» — Регинка взяла чайник и, немного поколебавшись, шагнула в темноту.

Она не боялась темноты. Но пройти надо было мимо книжных стеллажей. Спящие книжные полки с детства вызывали у Регинки какой-то глубокий потаенный страх. В дошкольном еще детстве мать, читавшая ей на ночь книжки, чтобы отвязаться от назойливых приставаний: ну, почитай еще, сказала как-то, что книжкам ночью надо отдыхать, что книжные герои ночью выходят из книг посмотреть, как живут люди. Регинка поверила. Ей захотелось дождаться ночи, встретиться со своими любимыми героями, узнать, как они живут после окончания сказки — ходит ли Красная Шапочка через лес к бабушке, есть ли дети у Золушки... Нескольким раз ночью она пыталась караулить у книжного шкафа, но каждый раз не выдерживала, убегала и пряталась под одеяло с головой. Она выросла, а страх остался, нелепый, смешной, детский, но остался.

Регинка осторожно пробиралась книжными лабиринтами, уговаривая себя шепотом: «Здесь никого нет и быть не может. Я здесь одна. Вот видишь — никого». Набрала воды, и уже смелее отправилась назад. Светлое пятно скользнуло по стене, послышался — или показался — легкий шелест. «Это просто мои страхи, нервы, игра воображения. Здесь никого, кроме меня нет» — все же, вернувшись в освещенную кладовку, она заперла дверь на задвижку, так, на всякий случай. Чайник грелся шумно, с каким-то то ли присвистыванием, то ли подвыванием. Обычно это раздражало Регинку, но сейчас она была рада — хоть какой-то знакомый внешний звук. «Сердишься на меня, старый ленивец? Потревожила тебя в неурочное время? Ну, извини. Так сложились обстоятельства», — произнесла она вслух, нарочито громко, с удивлением прислушиваясь к звучанию собственного голоса. Ухмыльнулась, тряхнула головой, разгоняя ночные страхи, щелкнула по носу своего отражения в никелированном боку чайника и начала рассуждать вслух, глядя на чайник, словно он был для нее важным собеседником.

— Итак, что мы имеем? Тематика конкурса — Женщина в русской истории. Своеобразная тема, обширная и свободная. Тема реферата или всё-таки эссе — сложно сказать... Может, потому и не пишется, что название никак не сформулирую и с формой не определюсь... Что же делать? А, что делать? — обратилась она к своему отражению. — Не знаешь? И я не знаю. Будем думать. А пока попьём чайку. С исторической эпохой она определилась легко — ее любимый 18 век. Век перемен, век Женщин. Петр вывел женщин из душных, пусть и уютных, теремов в блистающие залы, полные тайн и интриг. И женщины быстро, гораздо быстрее иных мужчин, приспособившись к новым условиям, стали блистать и царствовать. И некоторые не только на балах. Русских царицы, такие разные, но каждая из них — умная, сильная женщина. Пусть время их царствования было недолгим, но оно было. Они правили! И неплохо справлялись. Россия не погибла, не погрузилась в смуту, в раздрай... Да, управлять им помогали мужчины. Но разве мужчины-правители обходятся без женщин? Иная фаворитка короля, да и царя тоже, могла с легкостью добиться от придворных того, чего не мог добиться и сам правитель. Идя в обход, женщины порой быстрее достигают цели. И мужчины не могут простить им этого успеха. По «Домострою» — мир женщины — до порога, мир за порогом дома принадлежал мужчинам. Петровские преобразования не просто вывели женщин, девушек из теремов на ассамблеи, они позволили женщинам быть умными не только в семье, и не только в отношении домашнего хозяйства. Регинка считала, что женщин во все времена недооценивали, не позволяли им раскрыть в полную меру свои способности. Свое право на первенство мужчины всегда оберегали ревностно. «Философ в чепце», «семинарист в желтой шали» — каких только пренебрежительных прозвищ не придумывали для женщин. Для женщин, осмелившихся заявить о своих интеллектуальных запросах и возможностях.

Регинка и гордилась русскими правительницами, особенно Екатериной II, и жалела их. За власть свою царицы заплатили очень большую цену — их никто не любил. Граф Орлов? Может быть... Чаше любовь покупалась — но разве это любовь. В сущности, они были очень одиноки. А мужчинам-царям — можно и даже нужно было иметь свою семью, и не только семью, но и фавориток. Им прощались даже смена неугодных жен. Они спокойно обходили запрет на разводы, отправляя опостылевших в монастырь, распоряжаясь их судьбами, как судьбами крепостных крестьянок. И только Екатерина положила этому конец, отомстив мужьям-царям-самодурам. Взяла и сместила с престола своего никчемного муженька, пусть и законного наследника. Да и такой ли уж он законный? Если повнимательней посмотреть, да покопаться — сколько в нем царской крови? После этого цари от своих жен уже не избавлялись. Все же писать о царицах Регинка не хотела — о них столько уже всего написано, да и на конкурс, наверняка будет представлена не одна работа о каждой

из них в отдельности и вместе взятых! Нет. Ее работа должна выделяться, должна быть уникальной. Регинка решительно отодвинула часть книг: «Никаких цариц!»...

— Регина, доча моя, пойми, я же тебе добра желаю. — Почему-то вспомнился недавний разговор с матерью, разговор, состоявший из монолога матери и молчания Регинки, впрочем, как и все их разговоры в последнее время. — Я же тебя как принцессу растила, от трудностей и грязной работы берегла. Даже имя тебе дала королевское. Думала — вырастет моя доченька уменькая, хорошенькая... станет королевой. Пойми же — в жизни не все бывает так, как хочется. Мы с тобой одни живем, без мужчин. Вот и должны заботиться о себе сами. Выбирать занятие по душе могут только те, кому не надо о куске хлеба думать. А нам с тобой надо. Ну, закончишь ты свой истфак. И что? Будешь в школе историю преподавать? Нервы мотать за гроши. Больше-то никому твоя история не нужна. Вот скажи, сколько твоей историк получает? То-то же. А экономист или бухгалтер? Всяко побольше, даже начинающий. Вот и подумай... Была бы ты у меня красоткой, да характером побойчее, похитрее можно было бы надеяться, что замуж выйдешь выгодно... а так... Личико-то симпатичное, а фигурка в папашину родню — широкая и плоская — доска доской. Хотя... бедные красавицы тоже никому не нужны. Так, попользоваться-поразвлечаться разве... а натешившись и выкинут на помойку, как котенка шелудивого, — мать отвела взгляд от Регинки на дерево за окном, немного помолчала. И — прямо в глаза Регинке, не отвернуть, не увернуться — холодный жесткий взгляд.

— Думаешь мне моя работа, моя нынешняя жизнь нравится? Думаешь, я бы не хотела заниматься любимым делом? Но приходится угрождать всем — и покупателям, и хозяину, и... партнерам этим (добавила с брезгливостью). Живи не так, как хочется, а так, как можется. Закон жизни. Хочешь что-то получить — приспособляйся, прогибайся, лебези, хами... Только знай с кем и как разговаривать... А иначе... Останешься со своей порядочностью с голым задом и голодным брюхом. Я тебе такой жизни не желаю. Не для того я тебя холила-лелеяла, не для того сейчас на рынке горбачусь. Я хочу, чтобы моя доченька сидела в чистом светлом кабинете и получала за это хорошую зарплату, на которую можно достойно жить. Вот тогда можно будет, на досуге, и порассуждать о всяких разных высоких материях. И книжки исторические почитать.

Мать хлопнула ладонью по столу, словно ставя увесистую точку в разговоре. И добавила, снова глядя в сторону: — Поверь моему опыту — никто и никогда от своего благополучия, от достатка не отказывался. Можно проявлять доброту, даже быть благотворителем, но не на последние гроши. Своя рубашка всегда ближе к телу. Народ зря не скажет. Пока я жива — голодать не будешь в любом случае. Только я ведь не вечная и не двузильная...

«Голодать не будешь... как все просто... накормлен, одет... вроде и не надо больше ничего? А если поел повкуснее и надел шмотку подороже — должен быть счастлив? Как все просто... примитивно... — Регинка выключила чайник, налила кипятку в кружку, заливая сомнительного вида чайный пакетик. — Неплохо бы, кстати, и съесть что-нибудь». У них не принято было распивать чаи на работе, только в исключительных случаях, потому и съестных припасов не держали. Регинка в слабой надежде покопалась в шкафчике. Нашла заваливавшееся, уже раскрошившееся печенье. Сейчас она и такому была рада.

— Так, если царицы отпадают, кто остается? — размышляла она вслух, помешивая чай, чтобы скорее остыл, — Дашкова? Жемчугова? Кто еще? Вроде и нет никого больше из известных... Екатерина Дашкова. Екатерина Малая. Женщина — президент Академии наук. И это в 18 веке! Кажется, с тех пор у нас больше такого и не было... не смотря на равноправие.

Регинка задумалась. Хотела ли бы она вот такую же карьеру, как у Дашковой? Заманчиво, конечно. Только боязно. Да и где там... Дашкова дворянкой была, ее дядя поддерживал. Одна-то она много бы смогла, без его поддержки? Да, конечно, умная, сообразительная, и хватка — ого-го какая... Но — смогла ли бы добиться хоть десятой части того, родись в другой семье? Пусть даже дворянской, но не такой знатной? А в крестьянской? Вот то-то. А Регинка — одна. И добиваться всего должна сама, без поддержки. А при таком раскладе — ой как нелегко. Только в сказках бедные никому неизвестные девушки обретают покровителей, добиваются чудесным образом (иначе не скажешь) огромного успеха. А в жизни? В жизни так не бывает. Тут мать права — везет только красавицам. Если в них влюбляются богатые или могущественные мужчины. Вот та же Жемчугова. Не влюбись в нее граф — много радости бы принесли ей ее таланты, ее доброта. Да и так — сколько унижений пришлось пережить. Неужели и правда, что простым, не знатным, небогатым девушкам надо всегда унижаться? Неужели достоинство — привилегия богатых? Неужели мать права? И надо унижаться? Продавать себя? И мать общается с этим гадким фальшивым попиком только из-за денег? Или она все-таки любит его? А отца — любила? А если любила, почему позволила ему уйти? Почему — перед попиком унижается, а с отцом была грубой и капризной?

От вопросов, облепивших ее, плодящихся тут же с невероятной скоростью, у Регинки закружилась голова. Неужели же все эти книги, написанные в разные времена и в разных странах — неужели все это обман? И все — это — она обвела глазами книжные стеллажи — всего лишь хранилище человеческой лжи? И нет никакой любви, никакой порядочности, верности... Есть только выгода. Для девушек — подороже себя продать... для мужчин — повыгоднее купить... Тогда, получается, самое разумное,

самое безопасное — стать проституткой... Там все честно, никто никого не обманывает, никто никого не предаст. Изначально честный договор — ласки в обмен на деньги. Но ведь это противно!

Она равнодушно, почти равнодушно, оглядела книжные полки, окружавшие ее, книги и тетради, разложенные на столе. Зачем все это? Что она здесь делает? Кому он нужен этот реферат? Какой смысл копаться в чужих судьбах, если в своей разобраться не можешь?

Навалилась усталость... Захотелось уйти домой, спрятаться, укрыться под одеяло, но сил подняться не было. Сидела и тупо смотрела на свои тетради, чувствуя, что засыпает, не в силах пошевелиться, чтобы прогнать дрему.

Покачнулась... — она или стеллаж? Посыпались книги, больно стучая по рукам, по голове...

Сонливость пропала тут же. Регинка потирала ушибленные места, ругая себя за нерадивость. Ведь говорила Анна Рудольфовна: разбери и разложи по полкам. Регинка всё отнекивалась — некогда. На самом деле ей просто не хотелось, она искала литературу для своего реферата. Разбирать книги, подаренные какой-то бабушкой, только зря время тратить — что там может быть интересного? Наверняка опять романы про колхозную жизнь, про войну. Это может и подождать. Она просто сложила их двумя высокими стопками на добавочной полочке у стеллажа. И вот — книги, словно в отместку за невнимание к ним, за ее недавние мысли об их ненужности и лживости, били по рукам острыми уголками переплетов... кружка с недопитым чаем тоже оказалась на полу, точнее на одной из упавших книг, окрашивая ее зеленоватую обложку в грязно-коричневый цвет. Регинка подняла книгу с пола, вытерла рукой. Раскрыла, пробежала глазами по странице — книга религиозная, не то жития святых, не то еще что-то, она не разбиралась в этом. Рисунок какой-то благообразной женщины в нелепом наряде — зеленой юбке и красной кофте. Хмыкнула: привет от фальшивого попика — и тут же устыдилась — не все же лицемеры, есть и те, кто верит искренне. Наверное, есть, хотя Регинка таких и не встречала. Бабульки-соседки, вроде бы верующие, если присмотреться, прислушаться к тому, что говорят внимательнее, оказывались такими же, ну или почти такими же, как фальшивый попик. Вся их вера сводилась к определенным ритуалам, а объяснить, что и как они могли, да и не хотели — сами не задумывались. Регинке было интересно, как они себе представляют общение с богом, да и вообще — всю эту евангельско-библейскую историю. Так, чтобы не по-книжному, а в жизни. Ведь вот — и в 19 веке, и в ее любимом 18, да и раньше... Вроде все были православными, верующими — почему ж тогда и убийцы были, и грабители, разбойники. Все ходили в церковь, соблюдали ритуалы, не начинали нового дела без благословения. И что? Лучше-то жизнь от этого не становилась. Вот Анна Рудольфовна гово-

рит: бог есть любовь. А если любви нет — это обман, сказка, то и бога нет? Он тоже — сказка?

Регинка вздрогнула. Настолько громким показался шорох бумаги где-то на столе. Попыталась разглядеть — и увидела... как листы раскрытой тетради шевелятся. Через несколько секунд она уже хохотала — из-под тетради выполз таракан.

— Вот кто меня напугал! Ты откуда здесь? Прихлопнуть бы тебя. Да ладно уж, живи пока. В сказках мышка появлялась, и того, кто ее кормил спасала от беды. Тебя может тоже покормить, на всякий случай? — она размяла оставшийся кусочек печенья перед замершим тараканом.

Тот шевелили усиками, но к крошкам не приближался. И не убежал. А, как показалось Регинке, с каким-то лукавым любопытством смотрел на нее. Ей стало немного жутко. За дверью, где-то в глубине библиотеки послышались шаги. Регинка замерла и с ужасом уставилась на таракана, словно бы он мог ей объяснить, что там происходит.

— Так, возьми себя в руки. — строго сказала она себе. — Чего ты боишься? Собственных сказок? Мышка... таракан... Ага, а там медведь ходит... сейчас предложит в жмурки поиграть. — она попыталась улыбнуться собственной шутке, но... лишь мурашки пробежали по спине.

— А может, я дверь не заперла, и кто-то вошел — разумное объяснение казалось еще страшнее, люди бывают опаснее зверей. — В любом случае надо пойти и посмотреть. Иначе можно умереть от собственных страхов.

Она дернула ручку двери. Дверь не открылась. Дернула еще раз — бесплезно. В панике подергала несколько раз и, уже готовая разреветься, вспомнила, что заперла дверь на задвижку. Наскоро посчитав до десяти, решив, что этого вполне достаточно, чтобы успокоиться, обмирая всем существом, осторожно открыла дверь и тут же захлопнула ее. Там, внутри, между стеллажами плавало какое-то светлое облачко. Схватила со стола ту самую религиозную книжку, сжала ее руками и, прикрываясь ей как щитом, жалея, что не знает ни одной молитвы, шагнула из своего убежища. Уже не думая ни о каких возможных неприятностях, нажала на кнопку выключателя. Лампы, неожиданно быстро проморгавшись, залили библиотеку ровным чуть желтоватым светом. Стройные ряды стеллажей. Никого постороннего. Регинка подняла стулья, огнетушитель, что уронила, пробираясь в темноте в кладовочку, поправила книги. Ни шорохов, ни шагов, никаких теней и призраков.

Она медленно обошла оба зала библиотеки, заглянула в каждый угол... Никого не нашла, но все же ощущение, что кто-то есть осталось, и не просто осталось — оно окрепло, но почему-то больше уже не пугало. Наоборот, стало как-то очень спокойно и уютно. Возвращаться в кладовочку не хотелось. Не хотелось прятаться и таиться. Регинка прислонилась к ближайшему стеллажу спиной, чуть прикрыла

глаза. Книги за спиной придавали ей уверенности, словно поддерживали. Она попыталась представить, как по библиотеке ходят любимые с детства Дон-Кихот со своим верным Санчо Пансой, Айвенго, Эдмон Дантес. Но перед внутренним взором почему-то предстали совсем другие люди, двое мужчин, непонятных и незнакомых. Один — высокий статный элегантный красавиц, второй — какой-то несуразный, маленький в неловко висящей изодранной одежде. Они о чем-то говорили, и было видно, что красавец словно чувствует себя виноватым в чем-то перед маленьким.

Регинка сползла на пол. «Надо встать, надо собраться и встать... выключить свет... надо идти домой... ладно, я сейчас... я немного посижу... совсем немного... и пойду...» — она глубоко вздохнула и выпрямила ноги, лежащие на полу, руки безвольно опустила на колени. Книжка упала на пол. В дальнем полутемном углу между стеллажами снова возникла та странная парочка, высокий статный и несуразный маленький. Голоса похожи на шелест страниц. Слов не разобрать, но само их звучание успокаивает, убаюкивает... Регинка напрягла слух, но уловила только обрывки фраз.

— Бедная ты моя... как же ты... решилась на такое... отказаться ото всего... даже от имени... дом отдала, имущество... а сама...

— Это не трудно — я люблю тебя.

— Но — долгие годы скитаний, тяжелой работы. Как хватило у тебя сил таскать кирпичи? Это работа для мужчин, а не для хрупкой женщины.

— Мне помогал Он и моя вера.

— Но зачем, зачем, ты при этом отказалась от своего имени? Почему?

— Ты не успел, ты слишком мало успел сделать. Я приняла наследство...

Красавец взял руки маленького в свои, прижался к ним лицом. Ему пришлось для этого низко склониться.

— Прости меня, я не смог сделать тебя счастливой. Ты могла бы блистать в обществе, а вместо этого — бродила по улицам почти без одежды, без сна и без отдыха... помогала... терпела насмешки... пренебрежение родни... совсем одна в большом холодном и сумрачном городе...

— Со мной был ты, и Его милость. Я была тобой, сердце мое радовалось...

Голоса снова превратились в шелест, затихли.

Регинка почувствовала, что начинает проваливаться в сон...

Вздрогнула, открыла глаза. Прямо напротив нее в дверях — Анна Рудольфовна. «Что теперь будет? Уволит!» — Регинка вскочила и принялась лепетать какие-то оправдания, но то ли с перепугу, то ли с недосыпу слова путались, язык заплетался. Но Анна Рудольфовна и не требовала никаких объяснений, она словно бы и не удивилась, застав ночью в библиотеке Регинку сидящей на полу. Осмотрела читальный зал, щелкнула кнопкой вы-

ключателя, пошла в другой зал. Там было светлее, и даже при невключенных лампах был хорошо виден силуэт Анны Рудольфовны в светлом костюме.

Она шла между стеллажей, осматривая книги на полках, двигалась бесшумно, что-то шептала. Регинка прислушалась. Но долетали только обрывки фраз, невозможно было понять, что именно говорит Анна Рудольфовна — то ли стихи читает, то ли заклинания какие-то или молитвы... равномерно так... тихо...

— Течение целой жизни рекою плывет предо мной... И четверть века из своей могилы живым ты мне являешься во сне... И каждый год Седьмого февраля, одна с упорной памятью моею...* — и вдруг резко повернулась к Регинке — Какое сегодня число?

Регинка замешкалась с ответом, соображая, какое назвать — пятое или шестое... за полночь, стало быть уже шестое.

— Да, да... шестое... — Ответила сама себе Анна Рудольфовна, опередив Регинку, — Шестое... Ксения... Лишь в феврале я ответа не жду. Мертвая дата... Это завтра. Сегодня шестое... Андрей Федорович... 45 лет... под чужим именем. Нет, не под чужим. Какое же оно чужое? Оно родное, мужнино... любимого... свое... Ничего своего... вся я здесь... Так и она — Анна... столько лет добровольно по тюрьмам... а ведь могла отказаться... так нет... гнали — не уходила... А расстреляли — не хоронили...

Регинка ничего не могла понять — несуразные несвязанные фразы... Она тихонько шла за Анной Рудольфовной, порываясь и не решаясь спросить...

Анна Рудольфовна продолжала свой странный обход... между стеллажей, трогая руками корешки книг, бормоча-причитая.

— История — великая сказка, фикция, продажная девка... Кто знает, как было на самом деле. Напишут так, как нужно тому, кто имеет право. Власть переменчива, неустойчива... История — это искусство, а не наука. Древние правильно определяли ее суть. И, как любое искусство — иллюзия. Есть не то, что есть, а то, что видим... а ты историком хочешь стать... — Анна Рудольфовна обратилась к Регинке так, что та почувствовала себя пришпиленной к стене. — Историком... Стало быть, к власти стремишься. Хочешь памятью чужой распоряжаться, жизням чужим цену назначать. А достаточно ли у тебя сил для этого? Не сломаешься? Не начнешь крутиться, как флюгер на ветру переменчивом? Начнешь. Куда денешься? Своя жизнь дороже чужой...

Регинка не знала, что ответить. Мысли возмущенно металась в голове, но четко высказать их она не могла, не умела. Сколько раз уже говорила ей Анна Рудольфовна: научись четко формулировать мысли, чтобы люди могли понять тебя, они ведь не могут догадаться, что ты имеешь в виду, если у тебя вместо слов — одни эмоции.

— Что жизнь земная, для тех, кто с Ним. Лишь испытание в вере и любви. И в любви... Разве они знают, что такое любовь? Нет!

Анна Рудольфовна стояла рядом со стеллажом с любовными романами. На секунду Регинке привиделось, как та опрокидывает на себя стеллаж с книгами. Лишь на секунду. Но за те секунды, что Регинка стояла, зажмурившись от страха, Анна Рудольфовна успела переместиться к другому стеллажу — с детективами. Ее прямая строгая фигура светлым пятном плыла по библиотеке. Голос звучал глухо, некоторые фразы Регинка вообще не могла разобрать.

— Холодно... холодно... в платье и кофте... на босу ногу... тепла в душе хватало... и не только для себя... Думали сумасшедшая... сейчас бы точно в психушку упекли... нет, говорят, вменяемая и может распоряжаться и жизнью своей и имуществом... может распоряжаться своей жизнью... она и распорядилась... а они? Как легко они решают чужие судьбы... Убивают, грабят... зачем они нужны? Кому теплее стало от них?

Анна Рудольфовна с силой толкнула от себя стеллаж.

Регинка вздрогнула и — открыла глаза. Она сидит на полу в ярко освещенном читальном зале, спиной прижалась к стеллажу — больно. Никакой Анны Рудольфовны нет. Она одна. В руках книга. Та самая — про странную женщину в нелепом наряде.

Покряхтывая и постанывая, растирая затекшую спину, Регинка поднялась. Сейчас ей было как-то удивительно спокойно. Все ее страхи и волнения не то, чтобы исчезли, нет, она помнила о них, но они стали вдруг какими-то неважными и нестрашными, далекими. Все же Регинка выключила свет в читальном зале, проверила — заперта ли дверь в библиотеку, и отправилась теперь уже не на ощупь, а на узенькую полосу света, пробивавшуюся из-под неприкрытой по-хорошему двери кладовочки. И снова ворчал недовольный чайник. А Регинка читала ему вслух про Ксению, которая решила стать Андреем Федоровичем. А мыслями вместе с тем все возвращалась к пригрезившемуся разговору с Анной Рудольфовной: «Она еще о ком-то говорила. Про мертвую дату, которая завтра. Что за дата? Почему мертвая? Надо будет расспросить реальную Анну Рудольфовну — может она знает. И кто она та, другая женщина, которая по тюрьмам? Декабристка? Не похоже — чего бы ей по тюрьмам-то, в ссылку — да поехали за мужьями, но в тюрьме-то не сидели, и не расстреливали их. Ладно, это — завтра разбираться будем».

Судьба Ксении поразила ее — вот ведь — отказалась ото всего, сама, добровольно. А мать говорит — никто никогда не откажется. Вот бы ей эту книжку почитать... Так ведь не станет, скажет — отстань, некогда мне глупостями заниматься. А то еще и посмеется — грехи, мол, замаливать решила, раз книжки религиозные читать начала. Нет, не поймет мать, не захочет.

«И тоже ведь — 18 век. — Регинка решительно сдвинула книги тетради. Нет, не хочу — никаких рефератов». Положила перед собой книгу так,

чтобы рисунок-портрет был перед глазами. Налила чаю. И стала рассказывать ей — нарисованной Ксении — о своей жизни.

Но как-то не так шел у нее рассказ. Как-то все получалось иначе. И стало вдруг нестерпимо жаль всех — не только себя, но и отца, и мать. Мать, даже, пожалуй, больше всего. И даже пописка этого фальшивого. Вот ведь — нет у него ничего настоящего. Даже веры. И мать перед ним унижается — но за деньги. И знают оба об этом, что не близкие люди они друг для друга, а лишь средства для получения денег. И как же им жить то тяжело, наверное. Вот и пьют, и разгул-веселье изображают, чтобы не начать говорить. Говорить-то им не о чем. Если не о рыночных делах. Чужие они и друг другу, да и сами себе уже, наверное. Столько времени играть. Так ведь и привыкнуть, и заиграться можно.

— Ладно, домой пора, мать, наверное, уже заметила, что меня нет. Не спит, конечно — какой тут сон. Скандал готовит. Очередной. — Регинка закрыла книгу, погладив изображение Ксении. — Переживу. Она ведь тоже переживает за меня, по-своему.

Регинка устало собрала свои тетради и книги. Мыть кружку, и заварочный чайник не было сил. Убрала в шкафчик — на потом. Перед уходом проверила еще раз библиотеку — нигде никого.

Хорошо, что зимой поздно светает. Шесть утра — а на улице еще темно, и никого нет, не то, что летом. Можно идти спокойно, открыто, идти и думать о своем, а не смотреть напряженно по сторонам — вдруг кто встретиться, и надо будет объяснять, где была, откуда идет, врать. Врать Регинка никогда не умела. Попыталась научиться, чтобы защитить себя, но все равно не могла, душа ее противилась, и получалось откровенно фальшиво. «Ведь есть же люди, которые врут, как дышат — так же легко и естественно» — она снова вспомнила про Борислава Сергеевича, удивившись, что за минувшие сутки вспоминала его едва не чаще, чем кого бы то ни было, чаще, чем мать, по крайней мере. Вот и сейчас, уже на подступах к дому, в полусонном почти бредовом от тревоги перед предстоящим объяснением с матерью, ей привиделся он, фальшивый попик. Вспомнилось, как накануне нового года, он, как обычно тихо, бесшумно зашел в ее комнату, так же бесшумно подошел к ней сзади... она не слышала шагов, только вдруг ощутила его дыхание, жаркое, пьяное дыхание рядом со своим лицом. Ощутила руки его на своей груди. Задохнулась от возмущения. Резким движением освободилась от его рук, оторвала их от себя, сбросила. Он только мерзко усмехнулся и потянулся снова.

Скрипнула дверь. Вошла мать. Мгновенно Борислав Сергеевич подскочил к ней и, обнимая ее, начал уверять своим елеинным голосом, что это Регинка попросила его помочь ей с английским. Он не смог отказать. А она начала с ним заигрывать. Регинка вспыхнула, но смолчала. Знала, ее слова мать воспримет как попытку оправдаться, очернить, как она уже

говорила как-то, Борислава Сергеевича. Молчала, хотя хотелось кричать. Мать тоже промолчала в тот раз.

Всю новогоднюю ночь Регинка просидела одна в своей комнате, слушая радио. К праздничному столу не вышла, да ее и не звали.

Сейчас, вспоминая все свои столкновения с попилом, Регинка удивилась мысленно открытию — она всегда цепенела от его близости, испытывая отвращение и в то же время не имея сил что-либо сделать. «Как кролик перед удавом. Может, и мать он тоже загнипнотизировал. Вот она и делает все, что он захочет, а потом молчит, не потому, что на меня сердится, а потому что не знает, что это было, и с омерзением справиться не может. — Регинка удивилась собственным мыслям. — Да, нет. Глупости. Мать не может справиться... Может. И с попилом, замухрышкой этим, тоже справилась бы, если б захотела. Нет, он ей все-таки нужен зачем-то. Неужели только из-за денег? Или чтобы отцу отомстить, доказать, что тоже одна не осталась? Что и ее, вот такую, разухабистую, можно любить? Что и она кому-то нужна?»

Очень хотелось спать. В кухонном окне горел свет. Значит, мать точно не спит. Все же Регинка тешила себя надеждой, что удастся избежать объяснений, как-нибудь, чудесным образом удастся незаметно прокрасться в свою комнату и спрятаться, провалиться в сон. А потом — пускай, пускай мать кричит, ругает... ей не привыкать. Только — потом. Сначала спать.

Чем ближе она подходила к дому, тем меньше верила в возможность остаться незамеченной и необруганной, тем медленнее и тяжелее делались ее шаги.

Едва войдя в подъезд, она услышала громкий недовольный голос фальшивого пописка, он что-то резкое выговаривал матери. Поднялась по лестнице, замедляя шаг, раздумывая войти сразу или подождать. Фальшивый попик стоял, видимо у самой двери, голос его звучал громко и четко, что говорила мать, сдавливая голос, сдерживаясь — соседи спят — Регинка не слышала.

— Оксана, как тебе не стыдно! Сегодня день то какой! 6 февраля! Твой день! Неужели даже ради праздника?! В память так сказать... Она ради любимого мужа на такие жертвы и лишения пошла, я же тебе рассказывал, а ты! Не можешь мне денег одолжить! Каких-то жалких десяти тысяч! Да! Не отдал! Да, отдам я! Отдам! Все до копейки! Всю сумму и отдам! Сразу! ... Ты что мне не веришь? Мне?! Не веришь?! Да не знаю я где твоя дочь шляется! Откуда я знаю почему?! Я здесь при чем?! Не приставал я к ней! И не пялился! Нужна она мне, глιστα инфантильная!

За дверью что-то грохнуло, и тут же — Регинка едва успела отскочить — открылась дверь, из-за которой вылетел фальшивый попик, держась рукой за левую щеку. Не заметив Регинку, он сбежал по лестнице,

в ярости хлопнув входной дверью. Девушка с удивлением отметила, что ее не задели обидные слова Борислава Сергеевича. Только хмыкнула: «Припечатал... глиста, да еще инфантильная...». Ее больше поразили слова матери, точнее не слова — она их не слышала, а то, что в ее, Регинкиных, ночных отлучках мать, по всей видимости, винила именно фальшивого попика, у него требовала объяснений. Регинка ожидала другой, совсем другой реакции на свое отсутствие. На целую ночь до сих пор никогда не пропадала. И объяснить это гулянием, зимой в мороз, уже нельзя, а правде мать вряд ли поверит. Регинка запоздало ужаснулась.

Она замерла перед закрытой дверью. Почему-то появилось желание постучать в нее, подавила его с усмешкой. Осторожно, словно боясь разбудить спящего, вошла в дом. На кухне из крана шумно лилась вода. Регинка потихоньку разулась, сняла куртку. Мать выглянула в прихожую, молча кивнула и снова скрылась на кухне. Шум воды прекратился. Регинка, обреченно пошла на кухню, ожидая скандала, побоев, и на всякий случай опасливо продумывая путь к отступлению и защите.

Мать перемыв посуду после вчерашних гостей, спокойно делала бутерброды. На столе — любимая Регинкина чашка. Чайник засвистел на плите. Регинка остановилась в нерешительности — неужели опять видения? Мать улыбнулась и пропела тихим, полузабытым уже голосом:

— Голодная? Поешь... Замерзла?

СОДЕРЖАНИЕ

ВИКТОР ПЕТРОВ

Стена	3
Сокрытый текст.....	3
Письмо.....	4
«Объятие до помрачения ума...»	5
Арка.....	5
«Казнишь египетскими казнями...»	6
Воркутинская ночь	6
Оберг	7

НАДЕЖДА ГОЛДИНОВА

«Как мал и тесен свет...»	8
Мой мир.....	8

АЛЕКСАНДР СИЗОВ

Версия Нострадамуса или убийство в сезон мутаций.	9
--	---

ИГОРЬ ГРИГОРЬЕВ

«Была бесприютна погода...»	48
«Дорогие лесные пустыни...»	49
«Жабры как жабры без воды...».....	50
Из статьи Натальи Советной о поэте Игоре Григорьеве.....	50

СВЕЛАНА ЛЕОНТЬЕВА

«Когда оторвутся деревья от грешной земли...»	50
«У Поволжской равнины своё назначение есть...»	51
«Руки впялись в объятия, словно в кириллицу ять!...»	52
«Маленький мой, миленький, отмолю...»	53

АЛЕКСАНДР ПОПОВСКИЙ

«Я видел солдат, обожжённых войной...»	54
«Мой милый друг! Прислушайся к стихам...»	55
«Ещё вчера шумела стая залётных птиц...»	55
Золотое имя.....	55

ФАИНА ЦВЕРОВА

Коневская церковь.....	56
«Всё чаще по уграм стоят туманы...»	56
Роксолана	56

ЖАННА ПЕСТОВА

Ночь в библиотеке	57
-------------------------	----

Витан – напитки и сиропы нового поколения!

Как все просто!
Пьешь напиток, получаешь удовольствие и даже не задумываешься, что в это время помогаешь своему организму быть здоровым!

«Витан-1»
экстракты чабреца, мяты, мать-и-мачехи и зверобоя – на сахарном сиропе
улучшает состав крови;
защищает организм от высокой солнечной активности;
способствует поддержанию остроты зрения при постоянной работе на компьютере.

«Витан-2»
экстракты чабреца, коры дуба, рябины красной, концентрированный яблочный сок – на сахарном сиропе
уменьшает развитие аллергических реакций;
способствует восстановлению обонятельной функции печени после тяжелых заболеваний;
общеукрепляющее средство при проживании на экологически неблагоприятных территориях;
улучшает состояние сосудистой стенки у курильщиков и при заболевании вен;
повышает адаптацию школьников к учебному процессу.

«Витан-3»
экстракты чабреца, зверобоя, мяты – на сахарном сиропе
повышает устойчивость к инфекциям при заболевании бронхолегочной системы;
создает основу для эффективного лечения воспалительных изменений глаз;
уменьшает риск развития ишемической болезни сердца;
ускоряет процессы восстановления организма после стресса, перенесенных острых респираторно-вирусных заболеваний и гриппа.

«Витан-спорт»
экстракты чабреца, мяты, мать-и-мачехи и зверобоя – на фруктозном сиропе
свойства идентичны свойствам «Витан-1»
рекомендуется употреблять:
после спортивных тренировок и особенно тем, для кого спорт – это профессия;
включать в рацион питания при прохождении комплекса программ по снижению веса;
тем, у кого нарушение углеводного обмена;
при заболевании желудочно-кишечного тракта на фоне пищевой аллергии.

«Витан-чай» («Русский чай»)
экстракты чаи-чаи (сирей*) – на сахарном сиропе
успокаивает нервную систему, улучшает сон;
нормализует давление;
восстанавливает слизистые оболочки;
восстанавливает силы при истощении;
устраняет головную боль;
благоотворно влияет на иммунную и эндокринную системы.
* Историческая справка: Иван-чай упоминается в хрониках XII века. Как калорийный чай его поставляли за границу и называли русским чаем.

«Витан-элитный»
экстракты чабреца, коры дуба, рябины красной – на сахарном сиропе
общеукрепляющее средство при проживании на экологически неблагоприятных территориях;
уменьшает симптомы различных интоксикаций;
используется в косметологических программах омолаживания для уменьшения морщин.

«Витан-Аква» олимпийский
подготовленная вода, экстракты чабреца, мяты, мать-и-мачехи и зверобоя (без сахара, подсластителей и консервантов)

Достаточно одного стакана в день!
Восстановление организма в стрессовых ситуациях (система природных антиоксидантов).

Гран-При
постоянно высокого качества
Удовольствие жить!

ББК 84 (2 Рос-Рус) 6-5
Л47

Литературно-художественное издание

ТРЕТЬЯ СТОЛИЦА

АЛЬМАНАХ

Главный редактор: Светлана Леонтьева

Редактор: Николай Пчелин

Редколлегия: Константин Казаков,
Валентина Пономарёва, Сергей Ерохин

Верстка: Сергей Ерохин

Отпечатано в типографии «Вариант».
Нижегородская область, г. Богородск
тел. (83170) 2-49-09
моб. 8-910-874-52-44